

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

**ПУЛЯ ДЛЯ ЗОИ
ФЁДОРОВОЙ**

ИЛИ КТО СНИМАЕТ КИНО

Федор Ибатович Раззаков
Пуля для Зои Федоровой,
или КГБ снимает кино
Серия «Дело не закрыто»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17354503

Пуля для Зои Федоровой, или КГБ снимает кино / Федор Раззаков.:

Алгоритм; Москва; 2016

ISBN 978-5-906842-34-3

Аннотация

Судьба звезды советского кинематографа Зои Федоровой неординарна и противоречива, а ее убийство до сих пор не раскрыто. Арест как пособницы иностранному шпиону, положение дочери «врага народа», попытка самоубийства в лефортовском изоляторе, обвинение в шпионаже в пользу иностранных государств, долгие годы заключения в знаменитой «Владимирке» и блестящая творческая биография, правительственные награды и премии. Как это возможно?! Расследование, проведенное Федором Раззаковым, заставляет совершенно иначе взглянуть на биографию актрисы и на причины ее трагической гибели. Автор задается вопросами: случайно ли убийца, не оставивший на месте преступления почти никаких следов, «забыл» забрать с собой гильзу от немецкого

пистолета «Зауэр»? Не было ли это намеком на «немецкую линию», по которой Федорова долгие годы работала на советские спецслужбы, и почему эта улика не помогла следствию выйти на преступников? Или все же помогла, но привлечь их к ответственности было невозможно?.. Книга Федора Раззакова – это настоящий документальный детектив с неожиданными поворотами и сенсационными подробностями тайной жизни людей, которых знает вся страна.

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Футбол, Фокстрот и шпионаж, или Агент по имени «Зефир»	7
Кино под колпаком НКВД	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Федор Раззаков

Пуля для Зои Федоровой, или КГБ снимает кино

Часть первая

Кто вы, актриса Федорова?

Пролог

В декабре 1947 года Зоя Федорова, арестованная год назад органами МГБ, написала из пересыльной тюрьмы письмо Лаврентию Берии. В нем она просила всесильного члена Политбюро о заступничестве и напоминала ему один эпизод из начала войны.

Вот как звучала эта фраза в письме:

«...Я дала вам согласие остаться в Москве на случай, если немцы захватят ее, чтобы помогать вам вести с ними подпольную борьбу».

Что же явствует из этих слов?

Оказывается, Берия просил Зою Федорову стать подпольщицей, чтобы работать на советские спецслужбы. Зададим-

ся вопросом: случайно ли столь опытный в разведке человек (а к тому времени Берия работал в органах почти двадцать лет) обратился к актрисе с подобным предложением? Ведь трудно себе представить, что всесильный нарком не понимал, чем чревато оставление в оккупированной Москве неопытного человека в качестве подпольщика. Провал такого агента неминуемо грозил разоблачением другим подпольщикам, связанным с ним агентурными нитями.

Неужели Берия был столь наивен и глуп, чтобы не понимать этого?

Конечно же, нет.

Судя по всему, выбирая кандидатуру Зои Федоровой на роль подпольщицы (а список таких кандидатов не мог быть обширен), Берия был уверен в том, что актриса с порученным ей заданием справится. Почему же он так решил? Не потому ли, что за плечами Федоровой уже был многолетний опыт агентурной работы на советскую разведку? Но тогда возникает новый вопрос: когда же она сумела его приобрести? Чтобы ответить на этот вопрос, следует начать рассказ с самого начала.

Футбол, Фокстрот и шпионаж, или Агент по имени «Зефир»

Шпионы и футбол. – Чарльстон с агентами. – Удар по английской разведке. – «Вербовать пачками». – Рождение агента «Зефир». – Эволюция агента – дзержинский поток. – Кино под колпаком ГПУ. – Первые фильмы про чекистов. – «Зефир»-информатор

Откуда впервые пошла гулять версия о том, что Зоя Федорова была негласным сотрудником советских спецслужб? Виной всему история лета 1927 года, когда Зоя внезапно угодила в поле зрения Государственного политического управления (ГПУ), а если быть точным – его контрразведывательного отдела. Угодила, в общем-то, случайно, по вине двух мужчин, один из которых обожал футбол, а другой – модный танец фокстрот. Первого звали Эдвард Чарнок, второго – Кирилл Прове. Кем же были эти люди?

Игра в футбол зародилась в Англии в 1846 году. А в Россию она пришла в начале XX века благодаря семейству англичан Чарноков, которые обосновались здесь за полвека до этого. Глава этого семейства был директором хлопчатобумажной фабрики у текстильного магната Н. Н. Коншина в Серпухове. Его четверо сыновей – Эдвард (на русский манер Эдуард), Джеймс (Яков), Уильям (Василий, он же – Ры-

жий Вилли) и Гарри (Андрей) – родившиеся в России, хорошо знали русский язык и поэтому, получив, как и отец, тек­стильное образование в Англии, вернулись в Россию, чтобы здесь делать свой бизнес. А свободное время сыновья посвящали игре в футбол, играя сначала в Серпухове, а затем – ко­гда Гарри Чарнока по приглашению Товарищества мануфак­тур «Викула Морозов с сыновьями» назначили на должность исполнительного директора на бумагопрядильной фабрике в местечке Никольском, что недалеко от Орехово-Зуева – ста­ли выступать в тамошней команде Клуба спорта «Орехово», сделав ее самой сильной футбольной командой в России на тот период. Причем самым талантливым футболистом из че­тырех братьев был Уильям («Рыжий Вилли»), который за­бил в матчах первенства Москвы, а также в междугородних и международных встречах, более ста мячей.

В затылок ему дышал брат Эдвард (1877), который вы­ступал за «Орехово» в самые звездные его годы – с 1911-го по 1914-й, а также несколько раз надевал футболку сбор­ной команды «Вся Москва». Он принимал участие в матчах московской сборной против команды Финляндии 3 и 9 мая 1912 года (2: 7 и 0: 4), а также 1 октября того же года про­тив немецкой команды из города Киля (0: 3). 7 октября 1912 года в составе сборной Москвы он выходил на поле в Петер­бурге, в матче первенства России, против сборной этого го­рода (1: 4). Именно тогда этот талантливый футболист был... завербован английской разведкой, поскольку футбол в Рос-

сии внедрялся англичанами не только ради спортивного, но и ради политического интереса. А вербовщиком Эдварда Чарнока был небезызвестный дипломат и разведчик Брюс Локкарт.

Он приехал в Москву в январе 1912 года в качестве вице-консула Великобритании (затем он станет генеральным консулом). Брюс поселился на частной квартире у вдовы писателя Эртеля, друга Толстого. Достаточно быстро завел широкий круг знакомств в среде интеллигенции, промышленников. Как напишет он сам чуть позже: «Для того чтобы стать настоящим работником контрразведки, оставалось завоевать лишь знать, купечество...»

Подвизался Локкарт и в футболе, благо этот вид спорта в России активно популяризировали его соотечественники – те самые Чарноки. По его же воспоминаниям:

«Почти что первыми англичанами, которых я встретил, были братья Чарноки – Эдуард и Гарри. Оба были ланкаширцами и связаны с хлопчатобумажной промышленностью. В то время Гарри, младший брат, был директором хлопчатобумажной фабрики в Орехово-Зуеве Владимирской губернии.

Орехово-Зуево являлось одним из наиболее беспокойных промышленных центров, и там Чарнок, в качестве противоядия водке и политической агитации, ввел футбол. Организованная им заводская команда была в то время чемпионом Москвы.

Обо мне в кругах английской колонии ходили слухи, что

я – блестящий футболист, вероятно, потому, что меня спутали с моим братом. Не справляясь о том, какой вид игры я практикую – круглым или овальным мячом, Чарноки попросили меня вступить в состав „морозовцев“, как называлась их заводская команда. Позднее, когда я ближе познакомился с этими северянами, я понял, какие они прекрасные ребята. А Чарноки с тех пор сделались моими верными друзьями, и я всегда считал мой футбольный опыт с русским пролетариатом самой ценной частью моего русского воспитания. Я боюсь, что опыт этот принес мне больше пользы, чем моему клубу. С трудом я справлялся с порученным местом в команде. Несмотря на это, матчи были очень интересны и вызывали огромный энтузиазм. В Орехове нам приходилось играть перед толпой в десять – пятнадцать тысяч человек. За исключением проигрышей иностранным командам, мы редко проигрывали...»

Так, катая мяч по зеленому газону, а попутно шпионя (собирая ценную информацию из разных сфер российской жизни), вице-консул и его спортивные товарищи дожили до 1917 года. А потом грянул февраль, и одному из Чарноков – Эдуарду – пришлось спешно покинуть Россию: в мае рабочие его хлопчатобумажной фабрики потребовали немедленного увольнения своего заморского директора. Однако минуло всего четыре года, и весной 1921 года Эдуард Чарнок снова объявился на улицах Москвы. Почему? В те дни на волне нэпа здесь открылась английская торговая миссия во главе с

Робертом Ходжсоном, и Эдуард был привлечен к ее работе. А затем, когда между Великобританией и СССР установились дипломатические отношения, Чарнок становится секретарем дипломатической миссии в Москве. Но эта должность была ширмой, поскольку основной его деятельностью был все тот же шпионаж. Чуть позже арестованный работник Госбанка В. Евреинов, который в течение восьми лет тайно снабжал секретной информацией английского разведчика Роберта Ходжсона, будет вспоминать следующее: «С Чарноком я неоднократно встречался, и тот обычно ко мне назойливо приставал с просьбой познакомить его с каким-нибудь военным или добыть точные сведения о бюджете Красной армии».

Свои источники информации Чарнок имел в разных кругах – как в спортивных (а он продолжал играть в футбол: каждые выходные гонял мяч на спортплощадке возле Крымского моста, а также был официальным арбитром московской футбольной лиги и тренером футбольной команды «Трехгорная мануфактура»), так и в богемных – среди его знакомых, например, были ведущие оперные солистки Большого театра Антонина Нежданова (1873) и Надежда Обухова (1886), а среди лучших друзей – знаменитый режиссер Константин Станиславский. Почти за всеми телодвижениями приткого англичанина зорко наблюдали чекисты из контрразведывательного отдела ГПУ (руководитель – Артур Артузов), которые регулярно составляли оперативные

докладные, типа таких: «Чарнок имеет громадные знакомства среди бывших коммерсантов, главным образом среди бывших служащих различных текстильных предприятий, а также в артистическом и спортивном мирах. Помимо своего официального положения в миссии, возможно, является наблюдателем бывших владельцев русских текстильных предприятий...»

Или таких: «20.12.1924, 13:15, Чарнок и Робертс в Козмодемьянский пер., 8 по Б. Дмитровке, спортивный магазин, Кузнецкий мост, спортивный магазин „Динамо“, Большой театр и обратно в миссию».

Среди московских адресов Чарнока был и дом 16 по Спиридоновке (между Малой Никитской улицей и Садово-Кудринской улицей, в 1941 году ее назовут в честь Алексея Толстого), где обитала дама его сердца – Татьяна Прове. Она принадлежала к знаменитой немецкой династии Прове, которая осела в Москве (в лице Иоганна Прове) еще в 1830-х годах. Здесь глава семейства начинает сотрудничество с Людвигом-Иоганном (Львом Герасимовичем) Кнопом (1821–1894), основателем торгово-промышленной фирмы «Л. Кноп». Иоганн (Иван) Карлович Прове участвует в создании на острове Кренгольм в устье реки Нарвы крупнейшего в России текстильного предприятия – Кренгольмской мануфактуры – и записывается в первую гильдию нарвского купечества.

В Москве у Прове было несколько особняков. Все их лич-

но я хорошо знаю, поскольку детство свое провел по соседству с ними. Речь идет о четырех домах: два из них находятся на Новой Басманной под номерами 16 (угловой дом справа на выходе с Сада имени Баумана) и 22 (на углу с улицей Лукьянова), один на Старой Басманной (в годы моего советского детства она называлась улицей Карла Маркса) под номером 17 (справа от входа в сад имени Баумана), и последний – на улице Лукьянова, 7 (в этом здании раньше находился Бауманский РК комсомола, где меня в апреле 1976 года принимали в комсомол).

Недвижимость Ивана Карловича в Москве и в уезде оценивалась в 606 тысяч рублей – из 2 миллионов 512 тысяч его личного капитала.

Умер промышленник в январе 1901 года, а наследниками стали его сыновья Рудольф (Роман), Карл-Александр (впоследствии Кирилл), Теодор-Фердинанд (Федор) и дочери Эмилия-Ядвига (в замужестве Миндер) и Адель-Луиза (в замужестве Калиш). Дочерью Кирилла (Карла) Прове и была дама сердца Эдуарда Чарнока Татьяна. А у нее было два брата – дети Федора (Теодора-Фердинанда) Прове – Владимир (1895) и Кирилл (1897). С ними Чарнок тоже познакомился, причем не скуки ради, а по своей шпионской необходимости – братья обладали ценной информацией, которая интересовала англичанина.

Так, Владимир был военнотружущим одной из частей особого назначения в Кременчуге и сильно нуждался в деньгах.

Узнав об этом, Чарнок предложил ему помощь: тот снабжает его информацией о своей воинской части, а англичанин платит ему за каждый рассказ от 25 до 50 долларов. Владимир почти без колебаний соглашается и в один из дней подсаживается в автомобиль англичанина на Кузнецком мосту, где выдает ему первую порцию ценных сведений. Чуть позже, уже работая в Центральном военно-спортивном клубе, а затем в Наркомземе, Владимир регулярно информирует Чарнока уже по вопросам, касающимся работы этих учреждений. Правда, однажды он сделал попытку «соскочить» – заявил англичанину, что больше не хочет выдавать ему секреты. Но когда Чарнок пригрозил парню чуть ли не убийством, Владимир испугался и взял свои слова обратно. Более того: когда Чарнок приказал ему сменить работу и устроиться в Наркомат иностранных дел или внешней торговли, а еще лучше – в оборонный институт ЦАГИ, то Владимир не стал прекословить. И весной 1925 года стал работать чертежником в ЦАГИ.

Примерно в это же время Чарнок завербовал и брата Владимира – Кирилла. Их знакомство произошло в июне 1925 года по тому же адресу – Спиридоновка, 16, – на званом обеде. Увидев статного красавца Кирилла, облаченного в военную форму, а также узнав, где он служит – в батальоне охраны Реввоенсовета, – Чарнок тут же решил взять быка за рога. И вскоре после знакомства предложил Кириллу стать источником информации за хорошее вознаграждение. И тот, как

и его брат, быстро дал свое согласие, поскольку любил проводить вечера на модных нэпманских тусовках, а для этого всегда нужны были деньги. Англичанина интересовало штатное расписание батальона охраны, табель и расположение постов, секретные приказы, номера подъездов, через которые ходят Ворошилов и его заместитель Уншлихт, и многое другое. За каждое такое сообщение Чарнок платил Кириллу по 50–70 рублей, а иногда и больше. Кроме этого, молодой человек стал связующим звеном между шпионом и своим братом, передавая тому указания от англичанина. И тот за это не скупился на гонорары, поскольку получал от Владимира не только словесную информацию, но и документированную. Например, за чертежи некоторых разработок института – моторов, аэросаней, аэродинамической трубы и др. – он выкладывал от 200 до 250 рублей. Весьма приличные деньги по тем временам. Для примера: средний оклад советских инженеров составлял 150 рублей, рабочих и служащих – 100 рублей (но для них существовали разного рода скидки). Вызов такси в любую точку Москвы стоил два рубля, лучшие сорта яблок продавались по 40–60 копеек за один килограмм.

Именно Кирилл Прове и вовлек в эту шпионскую историю героиню нашего рассказа – 17-летнюю Зою Федорову. Тем летом 1927 года она окончила школу и стала работать в Госстрахе учетчицей (бухгалтером). Вообще-то она хотела после десятилетки поступить в театральное училище (в шко-

ле Зоя играла в драмкружке), но отец этому категорически воспротивился. Актерство он считал профессией легкомысленной и, главное, ненадежной в материальном плане. А поскольку у него были определенные связи (в 1918–1921 годах он работал начальником паспортной службы в Кремле), то помог своей дочери устроиться в Госстрах, который входил в наркомат финансов в качестве одного из его управлений.

Кстати, располагался Госстрах в окрестностях Лубянки: на Кузнецком Мосту и на Никольской улице. В те годы в СССР по этому поводу даже ходил анекдот: один прохожий на Лубянской площади спрашивает другого, указывая на здание КГБ: «Не подскажите, Госстрах здесь находится?». На что следовал ответ: «Госстрах за углом, а здесь Госужас».

Работу свою Зоя не любила, но вынуждена была туда ходить, чтобы не гневить отца. А в свободное время она с подружками посещала молодежные компании, где танцевали модный в ту пору танец фокстрот, пришедший из США. В одной из этих компаний – в доме у некоего Кебрена – на нее и обратил внимание 29-летний Кирилл Прове. Статный военный произвел впечатление и на юную Зою, после чего молодые начали встречаться. Один раз она даже пригласила его к себе домой, где познакомила со своими родителями. Видимо, виды на него у девушки были самые серьезные. Но их отношения поломало... ГПУ, придя под покровом ночи в дом к Федоровым. И здесь следует описать тогдашнюю ситуацию в стране и мире, которая вынудила чекистов на ме-

ры репрессивного характера. Сначала заглянем в энциклопедию:

«В начале 1927 года Великобритания, опасаясь потерять свои позиции в Китае в результате развернувшейся в этой стране революции 1925–1927 годов, потребовала от СССР прекратить военную и политическую поддержку гоминьдановско-коммунистического правительства. Отказ СССР выполнить условия „ноты Чемберлена“ (23.02) привел к резкому ухудшению отношений между Британией и СССР. Китайский налет на полпредство СССР в Пекине (6.04) и обыск, произведенный английской полицией в советско-английском АО „Аркос“ в Лондоне (12.05) предоставили в распоряжение консервативного правительства С. Болдуина секретные советские документы, подтвердившие „подрывную деятельность“ московского Коминтерна в Великобритании и Китае, после чего Британия разорвала торговые и дипломатические отношения с СССР (27.05). В Советском Союзе это было воспринято как подготовка „крестового похода“ против СССР, что привело к нарастанию военного психоза, подогреваемого активизацией борьбы белогвардейской эмиграции как внутри страны (теракты РОВС в Москве, Ленинграде, Минске) так и за ее пределами (убийство Войкова в Варшаве). Несмотря на то, что Великобритания, после победы антикоммунистических переворотов в Китае (Ч. Кайши в Шанхае и В. Цзинвэя в Ухани) и разрыва гоминьдана с СССР, не стремилась к нагнетанию конфликта, И. Сталин

использовал сложившуюся ситуацию для ужесточения карательной политики (ввод в действие печально известной 58-й статьи УК СССР 6.06.1927), свертыванию нэпа и разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции (ноябрь-декабрь 1927 года). Великобритания восстановила дипломатические отношения с СССР в 1929 году...»

А теперь познакомимся с тем, что пишут историки Михаил Тумшис и Александр Папчинский:

«1927 год вообще оказался неудачным для советской разведки и контрразведки. Целая серия провалов выявила слабые места в разведывательных и контрразведывательных операциях за рубежом. В феврале 1927 года была разгромлена нелегальная резидентура РУ РККА и ИНО ОГПУ во Франции, возглавляемая членами Французской компартии Жаком Креме и Пьером Прево. Арестам и обыскам подверглось около ста человек. В марте польская контрразведка выявила сеть агентов ОГПУ, возглавляемую бывшим сподвижником Юденича, генерал-майором белой армии Д. Р. Ветренко. Тогда же в Стамбуле была задержана группа агентов, работающих под „крышей“ советско-турецкой торговой компании. Турки обвинили в „насаждении шпионажа“ сотрудников советского полпредства. Чуть позже в Вене прошли аресты ряда сотрудников МИДа, снабжавших секретной информацией агентов Москвы. В апреле 1927 года в Пекине, в результате полицейского рейда в советское консульство, было изъято значительное количество документов, подтвер-

ждающих факт ведения шпионской и подрывной деятельности в Китае. В мае 1927 года уже английская полиция нанесла „визит вежливости“ в помещения „Аркоса“ и торгпредства СССР в Лондоне. По результатам обыска на представителей Страны Советов посыпались обвинения в „создании шпионских организаций“.

Масштабным скандалом закончилось разоблачение еще одного советского агента, на этот раз в Литве – Константина Карловича Клещинского – Клещинскаса (агентурный псевдоним – Иванов-ХИ). Бывший царский офицер, окончивший Академию Генерального штаба, проходивший службу в лейб-гвардии Волынском полку, в Первую мировую войну он попал в немецкий плен. Затем волей судеб оказался в Литве, где поступил на военную службу: инструктор одного из первых литовских воинских отрядов, командир дивизии. К 1920 году Клещинский, награжденный литовским крестом 1-й степени, занял пост начальника Генштаба. Именно ему и еще одному литовскому офицеру (полковнику-лейтенанту Ладиге) командующий 3-м кавкорпусом Г. Д. Гай передал ключи от Вильно, освобожденного советскими войсками. В 1922 году Клещинский вышел в отставку. Как генерал-лейтенант в отставке и доброволец он был наделен значительным земельным участком, стал получать хорошую пенсию и был устроен на работу в таможду.

В сети советской разведки Клещинский попал в июле 1926 года. Его „служба“ обходилась ковенской резидентуре

ОГПУ в 500 литов в месяц, одновременно какие-то деньги уходили в СССР родственникам агента. „Иванов-ХИ“ снабжал ИНО ОГПУ разнообразными сведениями о литовском правительстве, армии, политических и общественных деятелях. В обвинительном заключении на Клещинского было указано: „Освещал внутреннюю борьбу партий и давал подробную характеристику правящих кругов и высших военных начальников“, а также сообщал данные чисто военного характера, являясь „одним из деятельнейших агентов, причинивших большой вред (литовскому) государству и армии“.

В случае с Клещинским ОГПУ о конспирации особо не заботилось. Встречи с кураторами от ОГПУ происходили три раза в месяц и чаще всего на частной квартире Клещинского в Ковно. Информация об этих полусекретных контактах с советскими дипломатами дошли до литовской контрразведки, где решили взять под оперативное наблюдение бывшего начальника Генштаба. Уже после ареста литовская пресса писала, что Клещинский очень боялся разоблачения и одно время даже хотел сбежать в Турцию.

19 мая 1927 года в квартиру Клещинского ворвались агенты полиции. Помимо хозяина там был задержан помощник резидента ИНО ОГПУ (П. М. Журавлева) Н. О. Соколов. В результате столь громкого провала под угрозой расконспирирования оказалась вся деятельность ИНО ОГПУ в Литве. В результате Журавлеву, Соколову (консулу СССР в Ковно) и другим дипломатам-чекистам пришлось спешно покинуть

литовскую столицу.

31 мая 1927 года Клещинский предстал перед военно-полевым судом. Судебное заседание проходило в VI форте. Подсудимый подал на имя литовского президента Сметоны прошение о помиловании и выразил сожаление по поводу своих преступных деяний, просил о даровании ему жизни. Свое выступление на суде он начал словами: „Мне очень стыдно, господа, смотреть вам в глаза. Я принужден был работать для тех, кого всей душой ненавидел. Сначала меня заставляло делать это материальное положение" Военно-полевой суд отклонил просьбы и приговорил Клещинского к расстрелу. На рассвете 1 июня 1927 года он был расстрелян.

Подобные провалы советской разведки и контрразведки, неудачная концовка операции „Трест“ и последующие события – попытка взрыва здания на Лубянке, теракты в Ленинграде и Белоруссии, убийство полпреда в Варшаве П. Л. Войкова, совершенное белоэмигрантом Б. Кавердой, – все это создало впечатление волны террора, захлестнувшей Страну Советов, немедленно вызвав тем самым ответную реакцию советских властей. Свою роль сыграло и ожидание начала военных действий со стороны некоторых западных держав („военная тревога 1927 года“).

В июне 1927 года заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода подписал директиву всем органам ГБ о производстве массовых операций „по аресту лиц, подозреваемых в шпионаже“. Вся оперативная работа по реализации этой дирек-

тивы была возложена на „Центральную тройку“, в которую вошли А. Х. Артузов, начальник СО ОГПУ Т. Д. Дерибас и особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ В. Д. Фельдман.

Эта „тройка“ имела право выносить внесудебные приговоры (в том числе и смертные) „альбомным способом“. Органы ОГПУ, проведя следствие на местах, отсылали в Москву лишь справку с фотографией обвиняемого, кратким изложением преступлений и предложениями о возможной мере наказания. На Лубянке же принимали окончательное решение о дальнейшей участи очередного „шпиона, монархиста, диверсанта и вредителя“. О масштабности операции 1927 года можно судить по следующим цифрам: на Украине было арестовано 1226 человек, в Белоруссии 602 человека арестовали, 830 человек обыскали (по данным ГПУ Белоруссии, в это число вошли „...преимущественно жители деревень и местечек, разложенные годами немецко-польской оккупации и театра военных действий, являющиеся объектом особого внимания польской и латвийской разведок“), в Северо-Кавказском крае арестовали 1519 человек, обыскали 1500 человек и еще 2216 человек намечалось подвергнуть аресту. Руководители региональных органов ОГПУ приветствовали решение о проведении массовых операций. В отчетах местных органов ОГПУ в Центр постоянно мелькали эпитеты – „успешная“, „интересны результаты“, „наглядно показала правильность наших утверждений“ и т. д.

Сталин давал распоряжение руководству ОГПУ ликви-

ровать агентов английской разведки в стране. Вот что он писал в шифрограмме председателю ОГПУ Г. Ягоде: „Агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется, и явки у них все же остаются. повальные аресты следует использовать для разрушения английских шпионских связей“. 1 июня 1927 года с аналогичным предложением выступил председатель СНК СССР А. И. Рыков. На Пленуме Московского совета он огласил письмо английского консула Престона в британскую коммерческую миссию в Москве: „Дорогой Джерамм! Я думаю, что наши шифры получены по приказу Питерса, в связи с письмом от 7 апреля. Я постараюсь найти то, что нужно относительно вашего Дайагеза. Получение нужной нам информации не является легким делом для меня, ибо мои русские птенцы, которых я посылаю на такого рода поручения, подвергаются серьезной опасности, что ГПУ их повесит или четвергует“. По мнению руководства страны, это письмо было не чем иным, как прямым доказательством шпионской деятельности англичан.

8 июня 1927 года (то есть, за шесть дней до прихода чекистов к семейству Федоровых. – *Ф. Р.*) Политбюро ЦК ВКП(б) „в связи с белогвардейскими выступлениями“ постановило: „Поручить ОГПУ провести массовые обыски и аресты белогвардейцев, опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел двадцати видных белогвардейцев, виновных в преступлениях против советской власти; организовать комиссию для усиления мер охраны, как в от-

ношении центральных учреждений, так и отдельных руководящих товарищей“. Это решение стало ответом на жесткие требования Сталина: „Всех видных монархистов, сидевших... в тюрьме или концентрационном лагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами“.

10 июня 1927 года все центральные газеты СССР опубликовали официальное сообщение Коллегии ОГПУ о вынесении смертного приговора четырнадцати террористам-монархистам и шести английским шпионам. Среди расстрелянных оказались: П. Д. Долгоруков – бывший князь и член партии кадетов, в 1926 году нелегально проникший из-за границы в УССР „с целью создания антисоветских групп“; уже упоминавшийся Г. Е. Эльвенгрэн; И. М. Сусанин – бывший полковник белой армии и бывший начальник контрразведки армии Врангеля в Болгарии, в 1926 году перешедший границу с поручениями великого князя Николая Николаевича „организовать террористические группы“; Н. А. Павлович – бывший начальник монархической дружины „Двуглавый орел“, сотрудник контрразведки штаба деникинской армии, в 1920-е годы занимавшийся контрреволюционной работой в Киеве; Б. А. Нарышкин – бывший офицер Черниговского пол-

ка, монархист – приверженец великого князя Кирилла Владимировича, который, по материалам КРО ОГПУ, „оказывал шпионские услуги целому ряду иностранных представителей в Москве“; А. А. Микулин – бывший камергер Императорского двора и член Государственного Совета, содержал конспиративные явки для прибывших из-за рубежа контрреволюционеров, террористов и шпионов; Е. Н. Шегловитов – сын царского генерала, монархист, занимающийся шпионажем по заданиям иностранных разведок; В. И. Вишняков – бывший присяжный поверенный, монархист, помогавший террористам; А. Ф. Мураков – бывший крупный купец, финансировал деятельность контрреволюционных монархических организаций на советской территории; В. И. Аненнков (он же Махров, Арсеньев) – бывший офицер армии Юденича, нелегально в 1927 году пробравшийся из Парижа в СССР с заданием монархической организации великого князя Николая Николаевича „создать террористические и диверсионные группы“.

Английскими шпионами оказались: В. А. Евреинов (тот самый, к кому Чарнок назойливо приставал с просьбой познакомить его с каким-нибудь военным или добыть точные сведения о бюджете Красной армии. – *Ф. Р.*) – бывший царский консул и руководитель царской разведки в Персии, по данным ОГПУ, „являлся агентом английской миссии в СССР, будучи сотрудником Госбанка СССР, сообщал сведения шпионского характера о финансовых планах Советско-

го правительства, а также о частях Московского военного округа“; Н. А. Карпенко – бывший офицер и ближайший помощник атамана Семенова, находился „на агентурной связи у британского поверенного в Москве Р. Ходжсона, сообщал данные о РККА и оборонных сооружениях“; С. Е. Мазуренко – бывший колчаковский офицер, в прошлом сотрудник Центрального управления морского транспорта, информировал английскую разведку о морском и железнодорожном транспорте и о военных перевозках в СССР; К. Н. Малевич-Малевский – бывший царский офицер, командирован британской дипломатической миссией в Персии для организации шпионской работы в Советском Союзе; А. Е. Скальский – состоял на секретной службе у английской разведки, сообщал секретные сведения об авиации и военной промышленности СССР английскому агенту в Финляндии Буйнакову; Н. И. Лычев – бывший сотрудник Департамента полиции МВД царской России, секретный агент члена английской миссии в Москве Э. Чарнока...

Этот английский дипломат организовал сбор сведений об общем состоянии РККА, дислокации воинских частей, организации мобилизационной готовности военной техники, а также данных об экономическом положении в СССР. Главными поставщиками информации выступали сыновья известного московского миллионера Кирилл и Владимир Прове. Один из братьев (Кирилл) служил делопроизводителем в батальоне охраны РВС, другой – сотрудником Аэродина-

мического института. Им помогали в «шпионстве» юрисконсульт Управления делами РВС В. Корепанов, старший писарь батальона охраны РВС Н. Нанов и инструктор спецшколы Управления военно-воздушных сообщений НКО Н. Подрезков.

По оперативным материалам КРО ОГПУ, среди агентов Чарнока оказались и расстрелянные в июне 1927 года – бывший иностранный информатор финансово-экономического бюро Госбанка СССР В. А. Евреинов, заведующий складом „Конкордия“ А. Е. Скальский, служащий „Москвинпрома“ Н. А. Карпенко (хотя ранее их числили за английским консулом в Ленинграде Престоном)...»

Забегая вперед, сообщим, что в сентябре 1992 года Главная военная прокуратура РФ прекратит уголовное дело в отношении Евреинова. Позднее (в декабре 1992 года) были реабилитированы Скальский и Карпенко. Однако в отношении братьев Прове ничего подобного не произошло.

Итак, в три часа ночи 14 июня 1927 года в дверь квартиры Федоровых позвонили. Не успев спросонья сообразить, в чем дело, глава семейства открыл дверь и увидел на пороге нескольких мужчин. Один из них предъявил удостоверение сотрудника ГПУ и попросил Зою одеться и проехать с ними на Лубянку. На вопрос отца: «А в чем, собственно, дело?» – последовал короткий ответ: «Там ей все объяснят».

На Лубянке Федорову привели в кабинет к следователю А. Вунштейну. Тот объяснил девушке, за что ее вырвали по-

среди ночи из постели – из-за Кирилла Прове. Ей сообщили, что он арестован как английский шпион, и попросили дать показания касательно ее знакомства с ним. Зоя объяснила: дескать, знаю его недавно, ничего предосудительного в его поступках не замечала. Допрос длился чуть больше часа, после чего Зою отпустили, взяв с нее подписку о невыезде. Судя по всему, чекисты поняли, что даже если девушка и могла быть интересна Кириллу Прове как источник информации (напомним, что она работала в Госстрахе бухгалтером), то вовлечь ее в свои сети он вряд ли успел – с момента их знакомства до ареста Прове прошли считанные недели. И работать в Госстрахе Зоя едва только начала. Короче, этим часовым контактом Федоровой с ГПУ дело и закончилось.

Впрочем, это только одна из версий той истории. Вторая версия может выглядеть совершенно иначе, и, согласно ей, контакты Зои с ГПУ тогда не закончились, а именно начались. Имеется в виду плотное сотрудничество Федоровой с чекистами на осведомительской основе. Есть ли у этой версии какие-то реальные подтверждения? Нет, только косвенные. Их мы и рассмотрим.

Например, известно письмо Сталина председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому от 25 июня 1927 года, где вождь, знавший о проводившейся кампании арестов, потребовал «повальных арестов» конкретно от Контрразведывательного отдела ОГПУ во главе с А. Х. Артузовым – с целью парализации «английского шпионажа» и широкой вербовки аресто-

ванных в агентурно-осведомительную сеть. При этом Сталин приказал шире вербовать именно комсомольскую молодежь, в число которой входила и героиня нашего рассказа – Зоя Федорова. А уже десять дней спустя появилось еще одно письмо – на этот раз заместителя Менжинского Г. Ягоды. О том, что это было за послание, читаем все у тех же Михаила Тумшиса и Александра Папчинского:

«В результате массовых операций 1927 года органы ГБ смогли решить две задачи: а) значительно почистили „людскую базу контрреволюционных организаций и иностранных разведок“; б) ускоренным порядком провели массовую вербовку новой агентуры (главным образом из числа „арестованных бывших царских и белых офицеров, вузовской молодежи, технических служащих, журналистов и т. д.“). Уже 5 июля 1927 года первые результаты подвел заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода. Он писал начальникам ведущих отделов ОГПУ (А. Х. Артузову, Т. Д. Дерibasу, Н. Н. Алексееву и Я. К. Ольскому): „Произведенная операция совершенно ясно показала, что мы ударили по 50 процентам по старому контрреволюционному активу. Это доказывает, что учет нового актива, новой «советской» контрреволюции, мы не знаем, мы не учли его в процессе нашей работы. Совершенно ясно, что какую-либо серьезную организацию искать надо именно в этих группах. Может быть (и даже, наверное), что руководство (идеологическое) исходит от стариков, но... актив, конечно, молодой..”

Далее Ягода продолжил: „Террор целиком исходит от молодежи. Там же у нас слабо. То же самое мы наблюдаем и по линии КРО, в части шпионажа осведомлены мы сильно (и то не везде). В части контрреволюции идем по старым связям, варимся в старых осведомителях, кои выдохлись и расконспирировались. Помните, что опасность не в этих старых, испытавших сидку и внутреннюю тюрьму людей, опасность от молодого актива, его и надо искать, среди него и надо заводить целую сеть осведомителей. Посадите на это дело лучших крокистов. В КРО надо самых сильных товарищей посадить на террор и монархистов, изучить все их материалы по зарубежной эмиграции." Концовка письма заместителя председателя ОГПУ оказалась следующей: „Этой операцией надо воспользоваться для вербовки, вербовать пачками. Лучше завербовать, чем посадить в лагерь, если даже заслужили этого"».

Итак, обратим внимание на следующие слова: «органы ГБ смогли ускоренным порядком провести массовую вербовку новой агентуры из числа вузовской молодежи, технических служащих» (под эти категории подпадала и Зоя Федорова – молодая работница Госстраха). А также на слова наркома Ягоды: «В части контрреволюции идем по старым связям, *варимся в старых осведомителях, кои выдохлись и расконспирировались* (выделено мной. – Ф. Р)...„Опасность от молодого актива, его и надо искать, среди него и надо заводить целую сеть осведомителей. Этой операцией надо восполь-

зоваться для вербовки, вербовать пачками. Лучше завербовать, чем посадить в лагерь, если даже заслужили этого».

Учитывая эти заявления наркома, трудно представить себе, что чекисты на местах могли их проигнорировать. Поэтому можно предположить, что и попадание в сферу внимания 17-летней Зои Федоровой не могло закончиться лишь ее мирной беседой со следователем. Зачем упускать шанс, который сам пришел к тебе в руки? Наверняка девушку попытались завербовать на будущее. Ведь работала она не абы где, а в Госстрахе – учреждении достаточно серьезном и полезном. Каким образом могла проходить вербовка? По-разному. Например, в «Кратких указаниях ЧК для ведения разведки» назывались те же самые методы вербовки агентов, которые были известны по дореволюционной деятельности органов политического сыска. Это, во-первых, личная, материальная или идейная заинтересованность. Во-вторых, убеждение и принуждение (последнее – при наличии сведений, компрометирующих намеченного к вербовке). В-третьих, предлагалось прямое предложение или постепенное привлечение к сотрудничеству.

Федорову могли, например, запугать – напомним, что 6 июня 1927 года на свет появилась пресловутая «политическая» статья 58 УК СССР, сурово каравшая за контрреволюционную деятельность и измену Родине. К Федоровой могли применить сразу несколько пунктов: 1) недонесение о военных изменниках, за которое ей светило десять лет лише-

ния свободы, или 2) оказание помощи «международной буржуазии», которая не признает равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть ее, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности: наказание – лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

Впрочем, чекисты могли и не запугивать Федорову, применив другой метод. Девушку могли попросту заинтересовать перспективами на хорошее будущее: мол, будешь с нами сотрудничать – мы тебе будем помогать во многих твоих начинаниях, в том числе и по служебной линии (это называется «личная, материальная или идейная заинтересованность»).

Ведь отец Зои к тому моменту уже не работал в Кремле и былым влиянием не обладал. То ли дело ГПУ, обладавшее этим влиянием с лихвой. Оно могло помочь девушке не только по работе в Госстрахе, но и по ее переводу в театральную среду, куда Зоя, как мы помним, сильно рвалась. Отец ей здесь был препятствием, но ГПУ вполне могло пригодиться (и, кстати, пригодилось в итоге). Кто может осудить за это 17-летнюю девушку? Да и за что осуждать – за работу на учреждение, которое стояло на страже государственных интересов? Тем более что Зоя Федорова была комсомолкой, представительницей той самой советской молодежи, которая свято верила в социализм. Ведь перед глазами у нее была

трагическая судьба двух братьев Прове, которых в октябре 1927 года по приговору суда расстреляли (причем Кириллу в те дни исполнилось 30 лет).

Что же касается Эдуарда Чарнока, то он отделался легким испугом. Будучи лицом, обладавшим дипломатическим иммунитетом, он летом 1927 года был выслан из страны. Впрочем, тогда СССР разорвал дипотношения с Великобританией, и страну покинули все английские дипломаты – как шпионы, так и обычные дипломаты.

Реконструкция (художественная версия)

Зоя смотрела на чернявого еврея, представившегося следователем Вунштейном, который, как прилежный ученик, макал ручку в чернильницу и выводил на листе бумаги заключение по факту ее допроса, и никак не могла поверить, что это происходит именно с ней. Что это не ее, а другую девушку по имени Зоя Федорова вырвали ночью из постели и привезли на Лубянку, в этот кабинет с одним-единственным окном, выходящим на Кузнецкий Мост.

Часы, висевшие над столом, за которым восседал следователь, показывали начало восьмого утра. За окном уже было светло и с улицы слышались автомобильные гудки, возвещавшие о том, что новый трудовой день (а на календаре был вторник) уже начался. В это время Зоя обычно собиралась на работу – садилась завтракать. При мысли об этом у девушки засосало под ложечкой.

В это самое мгновение дверь в кабинет отворилась, и на пороге возник мужчина в форме сотрудника ГПУ.

– Тебе еще долго? – спросил он Вунштейна, не входя в кабинет.

– Еще минут пять, товарищ Силантьев, – оторвавшись от листка, ответил Вунштейн.

– Отложи, пойдем покурим, – произнес неожиданный визитер, после чего пропустил в кабинет мужчину средних лет в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

Увидев гостя, Вунштейн быстро положил ручку на стол, а листок вложил в папку, которую убрал в верхний ящик стола. После чего встал и вышел из кабинета. Вместе с товарищем Силантьевым они вышли во внутренний дворик Лубянки и здесь закурили.

– Вербануть хотят девку? – спросил Вунштейн после первой затяжки.

– Как думаешь, шансы есть? – вопросом на вопрос ответил Силантьев.

– У меня бы были, – улыбнулся Вунштейн.

– Значит, и у него будут, – коротко резюмировал Силантьев.

Нежданный гость уселся на место Вунштейна и повел себя как хозяин – открыл ящик стола, извлек из него папку и стал читать заключение, не дописанное его коллегой. Длилось это несколько минут, во время которых Зоя исподлобья наблюдала за незнакомцем. То, как он себя вел, явно выдавало в

нем какого-то важного начальника.

– Меня зовут Ян Карлович, – представился гость, захлопнув папку.

По небольшому акценту, который был у гостя, Зоя догадалась, что он латыш. В их отделе было несколько людей этой национальности, причем все они занимали руководящие должности. Видимо, в ГПУ была такая же картина.

– Буду с вами откровенен, Зоя Алексеевна: мы хотим, чтобы вы нам помогли, – убирая папку в стол, сообщил гость.

– Я и так рассказала вам... вернее, товарищу Вунштейну, все, что я знала.

– Я не об этом. Вы комсомолка?

– Конечно, – кивнула головой Зоя.

– Значит, поймете то, о чем я вас буду просить. Нам нужны толковые молодые люди, которые могут помогать органам ГПУ бороться с такими людьми, как братья Прове. Ведь они есть везде, в том числе и в Госстрахе, где вы работаете.

– Я не понимаю, – глядя своему собеседнику в глаза, сказала Зоя.

– Мы хотим взять вас к себе на работу внештатным осведомителем. Судя по тому заключению, которое написал товарищ Вунштейн, вы были честны с нами и вполне можете нам помочь. Мы нуждаемся в таких молодых честных людях, как вы. Ведь тот социализм, который мы завоевали в семнадцатом году, предстоит в дальнейшем строить именно вам. Мы уйдем, а вы останетесь.

– Но я не могу быть этим... осведомителем – я ничего не умею.

– Большого умения от вас и не требуется, Зоя Алексеевна. В обязанности внештатного осведомителя входит достаточно простая функция: раз в месяц описывать нам ситуацию, которая складывается в вашем учреждении, а конкретно – в вашем отделе. Это описание занимает одну-две странички стандартного машинописного листа бумаги. Вы пишете машинкой? Вот и отлично – значит, вам не составит труда отстучать на ней эти два листочка. В крайнем случае написать их от руки. Пустяшное дело, одним словом. Но за это мы сможем хорошо вас отблагодарить.

– Вы будете мне платить?

– Эта плата будет выражаться больше не в деньгах, а в протекции. Вы ведь с Кириллом Прове тоже познакомились не ради его статной выправки. Вернее, не только ради нее. Я прав?

Видя, как стушеввалась его собеседница, чекист продолжил:

– Мы люди искушенные, многих здесь повидали, поэтому привыкли говорить начистоту. Кирилл вас привлек своим положением, которое обещало хорошие перспективы. Но это, как видите, оказалось блефом. Теперь вашего кавалера ждет суд, который вынесет самое суровое наказание.

– Неужели его расстреляют? – встрепелась Зоя.

– Товарищ Вунштейн показывал вам уголовный кодекс и

новую статью в нем – пятьдесят восьмую?

Зоя кивнула, поскольку следователь сделал это практически сразу, как ее ввели в этот кабинет. Еще стенографистка не успела заправить листок в свою писчую машинку, как Вунштейн раскрыл перед Зоей уголовный кодекс и, ткнув пальцем в ту статью, коротко сказал: «Читайте». После чего и начался ее допрос.

– Ситуация в мире накаляется, и наши враги спят и видят, как бы задушить молодую советскую республику, – продолжал свою речь чекист. – У вашего кавалера было прекрасное будущее, но он сам его перечеркнул. А вместе со своей судьбой едва не перечеркнул и вашу. Но у вас есть хорошая возможность забыть все произошедшее, как кошмарный сон, но и поиметь с этого неплохие дивиденды. Неужели вы позволите себе упустить такой шанс? Вы, хоть и молодая девушка, но не глупая – я это сразу понял.

– О каких дивидендах вы говорите?

– О вашей карьере в Госстрахе. Мы можем помочь вам продвинуться по карьерной лестнице. Вы сколько получаете на вашей должности?

– Восемьдесят рублей.

– Не самые большие деньги для девушки, которая любит танцевать фокстрот и модно одеваться в стиле Надежды Ломановой. Кстати, если вы согласитесь с нами сотрудничать, мы можем способствовать тому, чтобы вы попали в поле ее зрения. С вашим лицом и хорошенькой фигурой вы можете

стать прекрасной модисткой.

– Я мечтаю стать актрисой.

– Тогда почему вы работаете в Госстрахе?

– Меня устроил туда папа.

– Понимаю, по какой причине он это сделал. Ваш отец наверняка считает артистов растленными людьми. Я прав?

– Что-то вроде этого, – кивнула Зоя.

– Лично я так не считаю – у меня много друзей среди артистов. Кстати, мы можем помочь вам и в этом вашем желании. Стать Анной Стэн сегодня мечтает чуть ли не каждая советская девушка. И я их понимаю – как же она прекрасна в «Девушке с коробкой»! Если вы пойдете в артистки, вам вполне по силам добиться не меньших успехов. У вас за плечами есть какой-то актерский опыт?

– В школе я занималась в драмкружке, и меня там хвалили.

– Это видно по тому, как вы держитесь. Короче, учитывая то, что возможности нашего учреждения безграничны, вы можете со временем осуществить свою мечту. Поэтому с вашей стороны было бы верхом глупости отвергать мое предложение.

– А я могу посоветоваться с отцом?

Ян Карлович ответил не сразу. Прежде он извлек на свет пачку папирос «Казбек», но закуривать не стал. Вместо этого он поднес папиросу себе под нос и пару раз вдохнул в себя ее аромат. И только после этого произнес:

– Зоя Алексеевна, мне казалось, что я разговариваю с взрослым человеком, а не с ребенком. Когда вы соглашались принять ухаживания Кирилла Прове, вы тоже сначала советовались с отцом? Вот и в нашем случае этого не требуется. Тем более что мое предложение подразумевает крайнюю степень секретности. О нем могут знать только два человека: вы и я. Больше никто. Вам понятно?

Зоя молча кивнула.

Вернув папиросу обратно в пачку, Ян Карлович захлопнул ее и спрятал в брючный карман. После чего спросил:

– Значит, вы согласны с моим предложением?

– Да, я буду на вас работать.

– Надеюсь, что говоря «на вас», вы подразумеваете не меня лично, а наше молодое рабоче-крестьянское государство.

Сказав это, Ян Карлович впервые за весь их разговор улыбнулся. Затем открыл верхний ящик стола и извлек на свет лист чистой бумаги. Положив его на стол перед Зоей, он сказал:

– Всем нашим новым сотрудникам мы предлагаем написать стандартную подписку о сотрудничестве. Вот вам ручка, чернила и лист бумаги – я буду диктовать, а вы пишете.

И Зоя безропотно потянулась за ручкой.

* * *

Резолюцию по делу № 47268 (по нему проходила Зоя Фе-

дорова), которая ставила точку (или, наоборот, не ставила) в контактах девушки с ГПУ, начертал сам заместитель председателя (а фактически председатель) ОГПУ СССР Генрих Ягода. 18 ноября 1927 года (спустя 24 дня после расстрела братьев Прове) он написал следующее:

«Гражданка Федорова З. А была арестована по обвинению в шпионской связи с К. Ф. Прове... Следует констатировать, что инкриминируемое гр. Федоровой З. А. обвинение следствием установить не удалось, а посему полагал бы дело по обвинению Федоровой З. А. следствием прекратить и сдать в архив. Подписку о невыезде аннулировать».

Естественно, никаких намеков о вербовке девушке в этом документе быть не могло – для этого составляются другие бумаги, которые хранятся в ином месте.

Если версия о вербовке Федоровой верна, то попасть она должна была в штат осведомителей-информаторов по линии Информационного отдела (начальник Г. Прокофьев) Секретно-оперативного управления, которым руководил по совместительству с июля 1927 года. все тот же Г. Ягода. Это, кстати, является лишним подтверждением версии о том, что Зою могли завербовать. Вряд ли Ягода упустил бы такой шанс – завербовать в свою «пачку» дочь бывшего начальника паспортного стола Кремля.

Здесь самое время произвести короткий экскурс в историю появления в советской России агентуры спецслужб. А истоки ее надо искать в агентуре. царской. При последнем

царе агентуру имели органы общей полиции, уголовно-сыскной полиции, департамента вероисповеданий МВД. Кроме этого, внутреннюю и внешнюю (иностранную) агентуру имело охранное отделение полиции МВД. Агентов вербовали и широко использовали царские органы юстиции, таможенная служба, пограничная стража. После октября 1917 года всю эту агентурную сеть большевики распустили (оставили только в военной разведке), но очень быстро об этом пожалели, поскольку в стране начался разгул не только контрреволюции, но и бандитизма. И вот уже весной 1918 года агентуру стали восстанавливать, причем обратившись за помощью к... бывшим сотрудникам царской уголовно-сыскной полиции. В итоге к 1 июля 1918 года только в органах советского уголовного розыска уже работало 270 бывших сотрудников царской сыскной уголовной полиции, из которых 107 сотрудников занимали руководящие должности. Но уже к марту следующего года руководство ВЧК приказало уволить этих работников с советской службы, поскольку было принято решение опираться в дальнейшем исключительно на рабоче-крестьянскую агентуру. Правда, уволили тогда не всех «бывших» – некоторых оставили, так как без них было совсем туго формировать новую агентуру.

В 1918 году восстановлением секретной агентуры занялся департамент пограничной стражи наркомата торговли и промышленности. А с лета того же года секретных агентов стали использовать органы ВЧК в Москве и Петрограде. Причем в

агенты тогда шли сплошь одни добровольцы – комсомольцы и молодые коммунисты, которые денег за эту опасную работу не брали. Они работали исключительно за идею, а материальная оплата такого рода труда придет чуть позже. Даже в январе 1919 года, когда в смете финансирования местных органов ВЧК, милиции и уголовного розыска появилась статья «секретные расходы», это не предусматривало денежных выплат секретным агентам. Статья лишь позволяла компенсировать расходы штатных сотрудников органов ЧК, милиции и уголовного розыска при проведении секретных операций (транспорт, проживание, мелкие бытовые траты и пр.).

В те годы было два вида секретных агентов: разведчик и собственно агент. Первые были штатными сотрудниками оперативных отделов ВЧК и ее местных органов, которые добывали, систематизировали и анализировали оперативную и учетную информацию. То есть разведчик – это кадровый сотрудник органов ВЧК. А секретный агент – добровольный помощник. Были еще доносители – граждане, писавшие заявления в органы ВЧК и НКВД.

Тем временем с началом в 1921 году нэпа ситуация в агентурной среде стала меняться. В СССР тогда было проведено сокращение бюджетных расходов на 60 %, из-за чего начались массовые сокращения в армии, милиции и ГПУ. Например, только в армии было уволено 1,5 млн человек (с 2 млн до 500 тысяч). А из ГПУ за два года (1922–1923) было уволено 65 % сотрудников. Однако в то же время власти пони-

мали, что столь массовое сокращение кадров может серьезно сказаться на эффективности работы множества учреждений. Понял это и Феликс Эдмундович Дзержинский – тогдашний председатель ГПУ. В итоге он пробил в верхах решение, согласно которому увольняемых по сокращению штатов сотрудников из органов ГПУ-НКВД надлежало оставить в «действующем резерве» и устроить на службу в различные государственные учреждения и на промышленные предприятия. Таким сотрудникам поручалось секретное делопроизводство, кадровая работа, обеспечение внутреннего распорядка и режима. Кроме того, «железный Феликс» предложил использовать бывших чекистов для сбора социально-политической и оперативной информации, чтобы контролировать настроения в трудовых коллективах, выявлять взяточников и растратчиков, пресекать нарушение законодательства и протекционизм, устранять недостатки управления и организации текущей работы. Таким образом были убиты сразу два зайца: во-первых, тысячи людей не остались без работы, во-вторых – они стали приносить реальную пользу государству.

В те годы в секретные агенты зачислялись только оперативные сотрудники ГПУ. В штате местных органов ГПУ такие составляли не более 20 % от общей численности. А к 1924 году из 65 % уволенных из органов ГПУ по сокращению в секретные агенты попало не более 10 % сокращенных. Тогда же секретные агенты были объединены в резиденту-

ры, во главе которых стоял резидент. Они работали в московских и ленинградских вузах, на крупных промышленных предприятиях.

В каких сферах советского общества в 1922–1929 годах широко использовалась секретная агентура ОГПУ? Вот что об этом пишет К. Скоркин:

«Это правительственные учреждения, тресты, акционерные общества, предприятия оборонного значения, крупные машиностроительные и металлургические заводы, научные и высшие учебные заведения, редакции газет и журналов, цензурные и репертуарные органы наркомата просвещения, аппараты дипломатических и торговых представительств за границей. Позднее секретная агентура стала работать в системе машинно-тракторных станций (МТС), политотделах железных дорог, пароходств, совхозов. С 1923 года донесения секретной агентуры в органах ОГПУ стали включать в еженедельные информационные сводки. Так именовали в те годы особые информационные сводные материалы с грифом „совершенно секретно“. В информационных сводках начала двадцатых годов имелись следующие разделы: положение в отраслях народного хозяйства; социально-политические настроения разных социальных групп населения; деятельность оппозиционных политических партий и движений; положение в религиозных организациях; вооруженный бандитизм, повстанчество и уголовная преступность. При составлении таких сводок использовались не только донесения секрет-

ной агентуры, но и оперативная информация подразделений органа ГПУ. Информационная сводка затем направлялась в Москву в ОГПУ и в местный партийный комитет. В 1922 году в системе ГПУ появилась особая категория сотрудников, которых именовали сексотами. Сексоты делились в ГПУ на две самостоятельные категории. К первой категории относились штатные сотрудники ГПУ. Они выполняли отдельные секретные поручения своих подразделений.

Таких сотрудников через партийные органы временно устраивали в учреждения и на предприятия. После выполнения секретного задания они возвращались к своему прежнему месту службы. Вторая категория сексотов в штате органа ГПУ не состояла. Это комсомольцы или молодые коммунисты, рекомендованные партийными органами для работы в ГПУ. В качестве сексотов они проверялись на практике к пригодности для оперативно-розыскной работы. Если сексот успешно проходил проверку, то зачислялся в штат ГПУ. Если нет, то либо исключался из категории сексотов, либо использовался разово по мере оперативной надобности. Таким образом, агенты и сексоты – это не энтузиасты или принужденные граждане. Они являлись сознательными, дисциплинированными и добросовестными работниками органов ГПУ. И не важно, состояли они в штате или нет.

Сегодня их с удивительной легкостью именуют «провокаторами и доносчиками». Но эти эпитеты к данной категории работников неуместны. Это чекисты, выполняющие специ-

фическую работу негласного характера. Какие же должности в советской системе занимали секретные агенты и сексоты ОГПУ? Молодежь – это рабочие, колхозники, студенты, рядовые служащие. Более опытные сексоты работали в подразделениях делопроизводства, кадров, финансового и материально-технического снабжения. В 1923 году органы ОГПУ, милиции и уголовного розыска получили законное право вербовать для оперативных нужд осведомителей. При этом было категорически запрещено вербовать в осведомители членов партии. Приемы и методы вербовки осведомителей и поныне составляют государственную тайну. По этой причине в статье они опущены. Но в данном случае важно понять то, что агенты, сексоты и осведомители – это не одно и то же.

Это разные категории негласных работников государственных органов с четкими и весьма специфическими функциями. Позднее осведомители в документах ОГПУ-НКВД стали именовать агентами или негласными агентами. Но по сути они оставались осведомителями. Они учитывались в органах ОГПУ-НКВД отдельно от секретных агентов из чекистов запаса. Наиболее широко и активно в двадцатые годы в системе ОГПУ осведомителей использовали органы пограничной охраны. Без их помощи обеспечить надежную охрану государственной границы невозможно. Не менее широко и активно использовались осведомители в органах финансового контроля и налогообложения. Через осведо-

мителей оперативно выявлялись в сельской местности факты занижения показателей посевной площади, численности домашнего скота и наемных работников в хозяйстве. Осведомители информировали финансовые и налоговые органы о подпольном производстве, выгонке самогона, незаконной торговле и скупке продовольствия. Такими осведомителями финансовых и налоговых органов в то время являлись члены „сельского актива“. Это молодые деревенские коммунисты и комсомольцы. Осведомители широко использовались органами милиции и уголовного розыска. Таковыми состояли члены домовых комитетов, дворники, работники городской коммунальной системы, пенсионеры.

Через осведомителей органы милиции выявляли в городах граждан, проживавших без регистрации и документов, всевозможные притоны, нелегальные казино и бордели, очаги самогонварения, скупщиков краденых вещей и материальных ценностей. С помощью таких добровольных осведомителей в годы нэпа обеспечивалась высокая эффективность борьбы органов милиции с уголовной преступностью и административными правонарушениями граждан. Органы ОГПУ использовали осведомителей только в крупных государственных и хозяйственных учреждениях, на предприятиях оборонного значения и в высших учебных заведениях. С 1925 года практика использования осведомителей в ГПУ была расширена на общественные, культурные и религиозные организации...»

Обратим внимание в этом абзаце на организации культурные – именно к ним относились учреждения, работавшие в сфере кинематографа (а очень скоро Зое Федоровой предстоит начать работать в этой отрасли, причем до конца жизни – более пятидесяти лет). Итак, кинематограф в двадцатые годы в Советской России был нэпманский – то есть, коммерческий. Правда, под контролем государства, в том числе и его спецслужб. Читаем в статье «Советский кинонэп двадцатых годов»:

«...Крупной организационной мерой советской власти в период „кинонэпа“ стало создание Всероссийского фотокинематографического акционерного общества „Советское кино“ („Совкино“). Устав „Совкино“ был утвержден СНК РСФСР 10 декабря 1924 года. Учредителями Совкино явились: ВСНХ РСФСР, НКВД СССР, НКП, Московский и Ленинградский губернские исполнительные комитеты. Уставом АО „Совкино“ была определена цель деятельности общества, которая заключалась в развитии кинопромышленности для наиболее полного обслуживания культурных потребностей трудящихся. Акционерному обществу предоставлялось право: открывать и эксплуатировать всякого рода предприятия по фото- и кинопроизводству, прокату и торговле материалами, оборудованием и изделиями фото- и кинопромышленности; эксплуатировать и организовывать кинотеатры на территории РСФСР. Высшим органом управления „Совкино“, как и любого акционерного общества, яв-

лялось Общее собрание акционеров, которое должно было решать ключевые вопросы, которые в значительной степени могли повлиять на работу общества. Председателем Общего собрания в течение всего периода существования „Совкино“ была В. Н. Яковлева, заместитель наркома просвещения.

Материальную базу для развития кинодела „Совкино“ должно было создавать из доходов от прокатных, экспортных и импортных операций, то есть зарабатывать своей деятельностью. С 25 марта 1925 года правление „Совкино“ заключило с Наркомпросом РСФСР договор о практическом осуществлении акционерным обществом монопольного права кинопроката. Тем самым все самостоятельные прокатные организации прекратили свою деятельность.

На территории РСФСР „Совкино“ обладало исключительным правом производить операции по экспорту и импорту кинофильмов и кинотоваров, а также изыскивать для кинопромышленности СССР кредиты за границей и привлекать иностранные капиталы.

Таким образом, советское государство в данном случае пошло по пути создания коммерческого предприятия, которому отводилась роль главного государственного органа управления кинематографией. В этом проглядывается определенная логика властей – раз государственные структуры в условиях новой экономической политики и при отсутствии планового финансирования не справляются с задачами, стоящими перед советским кинематографом, пусть этим зай-

мется акционерное общество, обладающее монополией проката, которое сможет заработать на кино деньги и пустить их в дело реализации государственных кинематографических задач. Дело вроде бы сдвинулось для советской власти с „мертвой точки хаотического рыночного развития и нездоровой конкуренции“: началась централизация кинопрокатной сети, был упорядочен и поставлен под контроль ввоз заграничной кинопродукции, частные кинопредприятия, лишившись возможности кинопроката и работы с иностранными конторами, в большинстве случаев прекратили существование.

Но произошло то, что вряд ли могли предположить государственные и партийные деятели. Вместо того чтобы стать оплотом реализации ленинского взгляда на кинематограф и решать задачи, которые ставила перед кинематографом советская власть, „Совкино“, умело воспользовавшись предоставленными ему монопольными привилегиями, превратилось в нормальную мощную кинокомпанию, которую можно сравнить с лучшими образцами киноиндустрии США и Европы. Главной целью своей деятельности она считала получение максимально возможных прибылей от кинопроизводства и кинопроката. Во главу угла „Совкино“ поставило создание интересных зрителю художественных картин и развитие сети коммерческих кинотеатров в крупных городах. Как такое могло произойти? На такой выбор стратегии развития „Совкино“ повлияли люди, стоявшие у руководства

акционерного общества, так как именно они решали основные стратегические и практические вопросы, связанные с производством и прокатом. Председателем Правления „Совкино“ во все время его существования был К. М. Шведчиков. Кроме председательских, он выполнял функции руководства экспортно-импортным направлением деятельности. В „Совкино“ Шведчиков перешел из Наркомторга, где занимал должность начальника Управления регулирования и являлся членом Коллегии НКВТ СССР (Наркомат внешней торговли). Заместителем председателя был И. П. Трайнин, который сменил до прихода в „Совкино“ несколько профессий – был маляром, журналистом, редактором журнала. Его первое знакомство с кинематографом состоялось еще до революции, когда он начал сниматься статистом у компании „Патэ“ (он шесть лет жил во Франции). Несмотря на то, что он не окончил ни одного учебного заведения, в дальнейшем, уже после ликвидации АО „Совкино“, Трайнин станет ученым в области права, а в 1939 году – академиком. Он является автором ряда работ по государственному праву и национальному вопросу. Таким образом, у руля советской кинематографии встали не „киношники“, а, в общем-то, люди прагматичные. С самого начала они выбрали долгосрочную стратегию своего развития, которую озвучил Шведчиков: „Нас хотят заставить ставить исключительно политпросветские темы, тогда как на основе нашего устава мы являемся коммерческой организацией, извлекающей прибыль в

конечной цели“.

Но главная причина, по которой „Совкино“ избрало для себя подобный путь, – это, конечно же, рынок. „Кинонэп“, порожденный новой экономической политикой, в 1924 году уже всюду функционировал, и „Совкино“, используя свои привилегии, сразу же начало действовать по законам рыночной экономики, по которым базовая цель кинематографической промышленности – зарабатывать деньги, а все остальное уходит на второй план...»

Как видим, из этого текста вовсе не следует, что ГПУ (бывшая ВЧК) являлась официальным куратором кинематографа. Однако обратим внимание, что одним из учредителей «Совкино» был Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР. С 1926 года его возглавил (и был им до 1930 года) Семен Лобов – бывший чекист (хотя бывших чекистов, как известно, не бывает). В 1919–1920 годах он был председателем Саратовской ЧК, а в 1920–1921 годах – уполномоченным ВЧК по Башкирской АССР, председателем Башкирской ЧК, наркомом внутренних дел Башкирии.

Более того – председателем ВСНХ СССР в 1924–1926 годах был бывший председатель ВЧК Феликс Дзержинский. Все это было не случайно, а прямо вытекало из тогдашней ситуации, а именно: по мере развития нэпа советские власти ужесточали контроль за экономикой именно с помощью чекистских кадров. Нечто подобное случится уже в наши дни, когда к власти в России придет профессиональный чекист,

который приведет в органы управления государством своих коллег по работе. Но впервые подобное было опробовано именно в годы нэпа, в двадцатые годы. Читаем у историка С. Павлюченкова:

«...По мере дальнейшего отступления партии по пути либерализации социально-экономических отношений и развития нэпа секретные службы приобретали все больший удельный вес в системе партийного контроля над обществом. Круг обязанностей органов ВЧК-ГПУ существенно расширился, по инициативе Ленина они стали универсальным источником государственной информации по всем важнейшим сторонам общественной жизнедеятельности, а также приобрели даже некоторые экономические функции. В сентябре 1921 года в составе каждой ЧК был образован экономический отдел, перед которым поставили задачу выработать и внедрить новые методы „борьбы с капиталом и его представителями в области экономической жизни“. В циркулярном письме президиума коллегии ВЧК по вопросам деятельности в условиях новой экономической политики всем губчекам наряду с предупреждением „против излишних увлечений наших товарищей борьбой с буржуазией как с классом“ в девяти развернутых пунктах описывались их новые, весьма обширные обязанности. В том числе: помощь государству в сборе продналога, хранение и правильное расходование товарного фонда, помощь государственным предприятиям в борьбе с конкуренцией частного капитала, контроль за порядком сдачи

в аренду предприятий, за правильным снабжением сырьем мелкой, средней и кустарной промышленности, слежка за внешнеторговыми операциями, не говоря уже о традиционной борьбе с хищениями, „царящей“ бесхозяйственностью, безалаберностью и бюрократизмом...»

Именно при Дзержинском и Лобове во всех советских учреждениях началась вербовка новой агентуры. Не стало исключением и «Совкино», которое мало того что было головной организацией в сфере самого важного из искусств – кинематографа (по В. И. Ленину), так еще и осуществляло сделки с зарубежными партнерами. А еще в апреле 1921 года было принято решение о создании коммерческо-промышленной разведки, что было связано с развитием экспортно-импортных связей с международным рынком. Обеспечивая этот шаг, руководство ГПУ тогда же отмечало, что совершение ряда преступных сделок зарубежными партнерами привело к тому, что назрел «вопрос о создании коммерческо-промышленной разведки». Западная Европа и Америка «зорко следят за каждым экспортным и импортным фунтом», но еще более они «заинтересованы не столько в коммерческой наживе, сколько в разрушении экономики страны во имя свержения советской власти».

Таким образом, в ГПУ (в его Экономическом управлении) стала концентрироваться работа по руководству не только осведомительно-агентурной работой в масштабе страны, но и всей экономической разведкой за границей.

Экономическому управлению отпускались секретные суммы на развитие этой работы. Для успешного развития разведки предлагалось «войти в тесный контакт с частной торговлей и промышленностью и потому самому или производить торговые, финансовые и другие операции, или входить пайщиками в существующие торговые и промышленные предприятия, или открывать свои склады, магазины и др. . . ». При этом должна была соблюдаться строгая конспирация этой работы, а за понесенные нецелесообразные убытки приходилось «нести ответственность». При этом важнейшей составляющей в работе ЭКУ была деятельность секретных агентов.

В 1922 году в недрах ГПУ были подготовлены документы по организации осведомительной работы в своих наркоматах и их органах на местах. По смыслу их осведомительная служба должна была быть «вспомогательным средством в работе ведомственной комиссии, являясь на деле щупальцами комиссии, посредством коих мы должны все видеть и все знать, что скрыто в обыденной жизни или скрывается от карательных органов советской власти».

Перед осведомительными службами были поставлены две основные задачи:

- сбор сведений о коррупционных правонарушениях среди сотрудников советских учреждений, фабрик, заводов, воинских частей, милиции и уголовного розыска;
- обработка и передача полученной информации председателю ведомственной комиссии или его заместителю для

принятия решения по ее дальнейшему использованию.

Руководил работой осведомительной службы член ведомственной комиссии, ответственный за организацию «осведомительской сети» в том учреждении, в котором он работал. В его обязанности входила разработка плана

осведомительной сети, вербовка осведомителей в пределах своего учреждения, непосредственное руководство ими, проверка получаемых сведений через других осведомителей, предварительная обработка полученных сведений и выработка новых приемов и методов вербовки и получения информации.

Для успешного выполнения поставленных перед службой задач осведомители вербовались «по возможности из числа освещаемой массы, в идеальном случае из числа сотрудников того учреждения, где они работали». Наиболее удачной считалась вербовка беспартийных из числа лиц, проверенных в своей преданности советской власти и «не занимающих административных должностей и постов, то есть из низов рабочих и крестьянских масс».

В «Основных правилах для каждого осведомителя» особо указывалось, что осведомитель, являясь «глазами и ушами» комиссии по борьбе с взяточничеством, должен передавать только проверенную информацию и вести свою работу строго конспиративно. При наблюдении за своими сослуживцами рекомендовалось обращать внимание, «на какие средства они живут, о чем больше всего говорят, какие позволяют се-

бе проступки и не ведут ли разговора, указывая на плохое материальное положение, как ведут себя по отношению к посетителям, не разбивают ли таковых по категориям, то есть чисто одетых и наоборот». За «доставление нужных сведений» осведомителю полагалось вознаграждение.

В «Совкино» (его штаб-квартира располагалась в Малом Гнездиновском переулке, дом 7) тоже был член ведомственной комиссии по борьбе с взяточничеством, отвечавший за работу осведомительной службы. В ее штате были десятки агентов, начиная от сотрудников административного аппарата «Совкино» и заканчивая работниками кинофабрик: режиссеры, операторы, сценаристы, актеры, гримеры, осветители и т. д. Причем агенты вербовались разными структурами ГПУ: например, на ЭКУ работали администраторы, счетоводы, финансисты, статисты, на СПО (Секретно-политический отдел) – режиссеры, сценаристы, актеры и т. д. Но в любом случае при небольших штатах СПО, ЭКУ и других подразделений ГПУ (120–150 сотрудников), агентов было в десятки раз больше. Кто-то назовет это паранойей, но это неверный подход. Создавшееся тогда положение диктовалось международной ситуацией, когда СССР вынужден был существовать в окружении враждебных государств (кстати, эту практику позднее переймет Израиль, что закономерно – в советском ГПУ и израильском было много евреев, а они хорошо умеют выживать во враждебном окружении). Поэтому сотрудничество с органами хотя и не было окружено

ореолом какой-то романтики, но воспринималось как вполне нормальное явление в условиях только что закончившейся гражданской войны и давления Запада на первое в мире государство рабочих и крестьян. Кстати, в странах той же западной демократии «стучать» правоохранительным органам считалось почетной обязанностью каждого законопослушного гражданина. Все это играло свою роль в поддержании порядка в обществе.

Обратим внимание, что опять же в 1926 году (в феврале) на пост начальника ЭКУ был назначен Георгий Прокофьев, по совместительству оставшийся руководителем Информационного отдела (в агентах которого, судя по всему, могла тогда числиться и Зоя Федорова) и Отдела политконтроля ОГПУ. Опытный и образованный чекист, имевший высшее юридическое образование, руководивший ранее нелегальной разведкой (был замначальника закордонной части ИНО), возглавлял органы экономической безопасности в течение пяти лет (с октября 1929 года – член Коллегии ОГПУ) и воспитал большую группу работников, сыгравших крупную (и неоднозначную) роль в истории советских органов госбезопасности. Его помощником с апреля 1926 года был Лев Миронов (в 1931 году он возглавит ЭКУ).

В 1928 году в СССР будет создано первое иностранное совместное кинопредприятие – советско-германская кинофабрика «Межрабпомфильм» (появилась на основе расформированного акционерного общества «Межрабпом-Русь»).

Естественно, без внимания ГПУ это предприятие не осталось – его агентуры и там хватало. Чуть позже с этой кинокомпанией пересечется и героиня нашего рассказа – Зоя Федорова. Но об этом рассказ впереди, а пока вернемся в конец двадцатых.

Осведомительская работа в «Совкино» преследовала две главные цели: экономическую и идеологическую. В годы нэпа (особенно в первой его половине) на первом месте стояла первая, поскольку во главе угла стояла прибыль. Чем больше денег приносило в бюджет государства учреждение, тем выше был его рейтинг во властной вертикали. Поэтому донесениям агентов ГПУ в «Совкино», где речь шла о каком-нибудь сотруднике, нарушающем идеологические каноны, но хорошо зарекомендовавшем себя на ниве коммерции, обычно не давалось ходу. Как написано чуть выше о руководителях «Совкино» Шведчикове и Трайнине, это были «люди прагматичные», с самого начала они выбрали долгосрочную стратегию своего развития, которую озвучил Шведчиков: «Нас хотят заставить ставить исключительно политпросветские темы, тогда как на основе нашего устава мы являемся коммерческой организацией, извлекающей прибыль в конечной цели... Кинодело, кроме водочного дела, является одним из самых доходных дел в СССР даже в настоящее время. И, по существу, должно и может в будущем заменить по доходности водочную монополию».

Отметим, что Шведчиков и Трайнин до революции жили

в Европе, имели там обширные связи и именно поэтому были поставлены к руководству «Совкино» в годы нэпа, когда эти самые связи стали особенно востребованы. Контроль за ними со стороны ГПУ был жесткий, однако оба деятеля продолжали руководить «Совкино» вплоть до начала тридцатых – до окончания нэпа. Хотя некоторые их поступки шли вразрез с господствующей идеологией. Например, Шведчиков, который монополизировал прокат фильмов в стране, хотел положить фильм С. Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“» на полку именно из коммерческих соображений. Он считал, что в нэповское время «агитка» не даст кассовых сборов в СССР, и уж тем более ее не примет зарубежная аудитория. Это возмутило даже В. Маяковского, который бросил знаменитую фразу: «Шведчиковы приходят и уходят, но искусство остается».

За годы работы Шведчикова в «Совкино» на него в органах накопился увесистый компромат. И доживи он до конца тридцатых, не факт, что не угодил бы в жернова репрессий. А так умер в своей постели в 1935 году, будучи директором Всероссийского объединения курортов (с 1932-го). Впрочем, шанс выжить у него тоже был. Вон его заместитель по «Совкино» Илья Трайнин сумел же это сделать, став видным советским юристом. Он скончался в 1949 году, успев поработать руководителем кафедры государственного права в Московском юридическом институте, Военно-юридической академии, а с 1942 года – заведующим кафедрой и про-

фессором государственного права Института международных отношений НКВД СССР. В 1946 году он стал академиком-секретарем Отделения экономики и права АН СССР, а также вошел в состав Президиума АН СССР и был избран почетным доктором Пражского университета (1948). И похоронили его на престижном Новодевичьем кладбище.

Но вернемся в двадцатые годы.

В период 1923–1926 годов, как мы помним, в ГПУ происходило сокращение кадрового состава. И под этим «соусом»

Дзержинский, как мы помним, принял гениальное решение – устраивать (а точнее – внедрять) своих сотрудников в различные учреждения, в том числе и кинематографические. В итоге в эту отрасль тогда пришли сотни бывших чекистов (впрочем, как уже говорилось, бывших чекистов не бывает). Называть их все не хватит места и времени, поэтому ограничусь лишь некоторыми. И начну с режиссера Фридриха Эрмлера (1898). На самом деле его звали Владимиром Бреславом, он был сыном сапожника и в юности ходил в учениках провинциального провизора. Но в годы гражданской войны стал воевать на стороне красных и был разведчиком, взяв себе псевдоним Фридрих Эрмлер (с немецкого последнее слово переводится как «бедняк»). За храбрость его заметили чекисты и взяли служить в ВЧК. Причем бытует две версии того, где именно в ВЧК служил Эрмлер. Сам он рассказывал следующее: «Даже в страшные дни поволжского голода, где ежедневно гибли от голода тысячи людей,

работая в Особом отделе ВЧК, я не оставлял мысли о кинематографе». А что такое Особый отдел? Это военная контрразведка. Впрочем, до мая 1922 года эти отделы являлись не только военной, но и гражданской контрразведкой. Читаем в энциклопедии:

«Особый отдел создан на основе объединения фронтовых чрезвычайных комиссий и органов военного контроля в декабре 1918 года. Первым начальником ОО ВЧК был М. С. Кедров.

6 февраля 1919 года Президиум ВЦИК утвердил Положение об Особом отделе ВЧК и его местных органах, где указывалось, что борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте возлагается на ОО ВЧК. Общее руководство этой борьбой должна была осуществлять Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая через свой Особый отдел руководила работой местных отделов контролировала их деятельность и организовывала работу агентуры за границей и на оккупированной иностранными державами и занятой белогвардейцами территории.

14 января 1921 года было создано Секретно оперативное управление ВЧК, в состав которого вошли все оперативные отделы, в том числе и Особый отдел. Функции ОО расширились. Ему была поручена также организация контрразведывательной работы в стране...»

Уже много позже, когда Эрмлер станет кинематографистом, он будет пугать своих коллег рассказами о том, что

в годы работы в Особом отделе он все время не знал, как правильно написать: «расстрелять» или «росстрелять». То есть, судя по этим рассказам, человеком он в молодости был жестким, если не сказать жестоким. Об этом же говорит и другая история. Когда в 1923 году он поступил в Институт экранного искусства, там училось много детей нэпманов. Так вот Эрмлер, потрясая маузером (!), добился от руководства института, чтобы его выбрали в исполбюро (студенческую общественную организацию), и быстро очистил заведение от нэпманских сынков. После чего по коридорам института стал ходить совсем иной народ – в кожанках, клешах, в полосатых тельняшках и кепках.

По другой версии (ее ввел в оборот один молодой историк кино), Эрмлер, хоть и служил в ВЧК, но по хозяйственной части – чуть ли не «обозником». И поэтому к расстрелам никакого отношения иметь не мог. Короче, выдавал портянки и сапоги младшему и начальствующему комсоставу. А свои героические (и не очень) деяния выдумал. Только сдается мне, что было все как раз наоборот и роль барона Мюнхгаузена должна принадлежать историку, а не чекисту.

Итак, Эрмлер именно в 1923 году покидает (но не выбывает из них) чекистские ряды и поступает учиться на киноактера. Но учеба ему быстро наскучила, и спустя два года он бросает институт и создает (!) киноэкспериментальную мастерскую, сокращенно КЭМ. А помочь ему в становлении этого детища приглашает еще одного бывшего... чекиста –

Эдуарда Иогансона. Что это за человек? Он был на четыре года старше Эрмлера (1894) и до революции работал банковским служащим. В 1915 году был призван на военную службу, работал по снабжению в царской, затем – в Красной армии. Затем перешел в ГПУ, где и познакомился с Эрмлером. И в период 1924–1926 годов они вместе сняли как режиссеры три фильма: «Скарлатина» (1924), «Дети бури» (1926) и «Катка – бумажный ранет» (1926). После чего каждый пошел в кино своею дорогой. Но у Эрмлера она окажется круче – он станет очень известным постановщиком, который дважды снимет в своих фильмах героиню нашего рассказа – Зою Федорову: во «Встречном» (1932) и в «Великом гражданине» (1938). Впрочем, об этом мы подробно поговорим чуть позже, а пока продолжим знакомство с темой «чекисты в кинематографе».

Еще один герой нашего рассказа – Александр Ржешевский (1903). До революции он учился в Петроградском немецком училище им. Святой Анны («Аннен-Шуле»), поскольку его отец мог оплатить это обучение (он был из разбогатевших крестьян Псковской губернии). Дважды Александра исключали за плохое поведение, но потом восстанавливали. А затем грянула революция, и молодой человек пошел служить юнгой в Кронштадтский военно-морской артиллерийский отряд. Был разведчиком и пулеметчиком в отряде морской пехоты, участвовал в боях против Юденича и в подавлении восстания форта «Красная горка» (1919–1920).

А с конца 1921 года стал особоуполномоченным по борьбе с экономической контрреволюцией ГПУ Туркменской области. Участвовал в раскрытии так называемого дела «Золотой панамы», когда были разоблачены те, кто сплавлял золото в Персию. В числе других Ржешевскому была выражена благодарность в приказе высших органов ВЧК.

В 1922–1923 годах он уже заместитель начальника отдела по борьбе с басмачеством и политическим бандитизмом – начальник оперативного подотдела ГПУ Самаркандской области. А в 1924 году его переводят в Ленинград, и он становится сотрудником 4-го спецотдела ОГПУ Ленинграда и области. Занимается борьбой с политическим бандитизмом – «савинковщиной», подключается к борьбе с городским бандитизмом. А потом вдруг раз – и в 1925 году поступает на актерское отделение того самого Института экранного искусства, где учился и Эрмлер. Кто-то скажет: надоела молодому человеку чекистская работа, и он пошел в актеры. Мне же видится это иначе, а именно: как уже отмечалось, в середине двадцатых, в разгар нэпа, чекистов отправляют в разные отрасли советской экономики, чтобы иметь там своих людей. И Ржешевский не стал исключением, став в кинематографе весьма крепким сценаристом и драматургом. Причем в кино он дебютирует в 1929 году, написав сценарий фильма «В город входить нельзя» режиссера Юрия Желябужского с кинофабрики «Межрабпомфильм» (кстати, наш герой там является членом литературного совета). О чем это кино? Чи-

таем в аннотации:

«Действие происходит в годы первой пятилетки. В Москве появляется сын известного ученого – белоэмигрант Борис Кочубей, ранее считавшийся погибшим. Вместе с ним приезжает его друг. Ночью шпионы посещают квартиру старика. Как поведет себя в этой ситуации профессор?...»

Режиссер Павел Петров-Бытов (1895) – еще один чекист в советском кинематографе. В гражданскую войну он служил начальником военной цензуры в частях Красной армии, а затем стал начальником отдела Карельского ЧК в Петрозаводске. Там же в 1922 году окончил театральную студию Юрьина. С 1921 года Петров-Бытов служит уполномоченным ОГПУ

Ленинградского Военного округа. Параллельно он совмещает должность заместителя председателя реперткома киностудии «Севзапкино» (будущий «Ленфильм»). Понятно, зачем совмещает – является цензором. А в 1925 году он становится режиссером киностудии «Ленинградкино», продолжая, судя по всему, быть и чекистом. Иначе вряд ли бы он в годы войны был назначен уполномоченным Особого отдела НКВД Северного флота, а также художественным руководителем Мурманского областного театра и начальником сценарного отдела Свердловской киностудии. Более того, в 1945–1946 годах Петров-Бытов становится уполномоченным «Совэкспортфильма» в Финляндии. А эта организация был под надежным «колпаком» НКВД-НКГБ (в 1947–

1951 годах председателем объединения «Экспортфильма» был видный чекист Михаил Маклярский, о котором мы поговорим подробно чуть позже).

Кстати, за свою долгую карьеру в кино (1925–1955) Петров-Бытов снял как режиссер одиннадцать фильмов (один – короткометражный). Самый известный – «Пугачев» (1937).

Во второй половине двадцатых органы ОГПУ уже крепко держали бразды правления киношной отраслью в своих руках (естественно, негласно) и зорко следили за ее деятельностью. Вот лишь один из таких примеров – с фильмом «Пограничный пост № 17» (производство «Пролеткино»). В апреле 1926 года Главрепертком запретил выпуск на экран этого фильма, объяснив это следующим мотивом: «Картину „Пограничный пост № 17“ как халтурную, ненужную, несвоевременную, как изображающую китайцев преступниками-контрабандистами, как халтурно рисующую деятельность органов ОГПУ, к тому же заснятую без разрешения ОГПУ, – запретить».

Или еще один пример – с тем же Главреперткомом. В том же 1926 году он приказал купировать фильм Федора Оцепа и Бориса Барнета «Мисс Менд». Цитирую циркуляр: «...Пункт 3. Изъять все сцены участия ОГПУ в ликвидации авантюры...»

Между тем фильмов про чекистов в те годы почти не снималось, поскольку популяризация органов ЧК посредством кино в планы Лубянки тогда не входила. Например, в кон-

це двадцатых ежегодно в прокат выходило порядка 90-100 фильмов (тогда еще немых), и из них только один-два были про чекистов. А первым таким фильмом была картина «Банда батьки Кныша» (1924) режиссера Александра Разумного с Первой фабрики (Госкино). Фильм считался блокбастером и по режиссерской манере был близок к другому блокбастеру тех лет – «Красным дьяволятам» (1924).

Действие «Банды батьки Кныша» разворачивалось в годы гражданской войны. По сюжету небольшой город прифронтовой полосы освобожден Красной армией. Но в самом городе и его окрестностях белые банды при поддержке бывших чиновников и местного духовенства ведут подрывную работу. Переодетые чекисты под видом банды Кныша врываются в город и, чтобы «пересчитать» белых, провоцируют «союзничков» к открытым совместным действиям. В роли батьки Кныша (он же чекист Стальной) снялся Петр Леонтьев – бывший мхатовец, ученик К. Станиславского. Перед этим он сыграл комбрига Иванова в одноименном фильме 1923 года. Короче, это был актер положительных ролей. Хотя в тридцатые ему будут доверять и роли вражеских шпионов, как это произойдет в знаменитом фильме «Ошибка инженера Кочина» (1939). Но об этом фильме мы поговорим чуть позже, а пока вернемся в двадцатые годы.

Режиссером «Кныша» был Александр Разумный, который до этого работал на фабрике «Пролеткино» («Пролетарское кино»). Эта киностудия возникла как ответ рабоче-кре-

стьянской власти на засилье частных (буржуазных) кинофабрик. Короче, «Пролеткино» снимало кино для пролетарской публики. И Разумный был апологетом такого рода кинематографа. А в 1926–1928 годах он уедет режиссировать за границу – на киностудии «Прометеус» в Берлине и «Фобус-фильм» в Париже. Учитывая, что это были столицы, где концентрировались главные силы русской эмиграции, можно предположить, что Разумного могли послать туда не только с творческими целями, но и по чекистской линии, а именно по линии Иностранного отдела (ИНО). Отметим, что Разумный вернулся на родину вскоре после того, как в конце января 1930 года в Париже был похищен агентами ОГПУ председатель Русского общевойскового союза (РОВС) генерал Александр Кутепов. Его похитили прямо на одной из парижских улиц, и он практически сразу скончался от разрыва сердца (по другой версии – был убит). РОВС был создан участниками белого движения для проведения террора на территории СССР, поэтому смерть Кутепова была закономерной – как говорится, на войне как на войне.

Что касается Разумного, то свой первый фильм после возвращения он снял в 1935 году. Лента называлась «Кара-Бугаз» и тоже относилась к приключенческому жанру. По сюжету при отступлении из Баку в 1920 году узников белогвардейской контрразведки высаживают на необитаемый остров в Каспийском море, где они должны погибнуть от голода и жажды. Четверым – большевикам Миллеру, Занозе, Несте-

ровой и ученому Шацкому – удается спастись....

В 1940 году Разумный снимет знаменитую ленту «Тимур и его команда», а в середине пятидесятых вернется к шпионскому кино – создаст картину «Случай с ефрейтором Кочетковым» (1955). Читаем в аннотации: «Отличный наводчик-артиллерист ефрейтор Василий Кочетков знакомится с продавщицей военторга Вале́й Градской и становится частым гостем в ее семье. Молодой человек не знает, что она и ее „гостеприимная бабушка“ – агенты врага, желающие выведать у бойца военную тайну. Помня присягу, Кочетков сообщает командованию о подозрительных действиях новых „друзей“ и получает секретное задание – продолжать играть роль жениха. Успешно выполнив приказ командира, боец помогает разоблачить иностранных разведчиков».

Но вернемся к фильмам про чекистов, снимаемым в двадцатые годы.

В 1925 году свет увидела лента «Лесной зверь» режиссера Акселя Лундина с киностудии ВУФКУ (Одесса). Стоит отметить, что именно там тогда чаще всего и снимались фильмы про чекистов. Почему? Одесса еще со времен гражданской войны была чекистским городом. Так вот, фильм «Лесной зверь» был поставлен по книге чекиста Дмитрия Бузько и рассказывал о реальных событиях весны 1920 года, в которых автор сам принимал участие. Бузько тогда был сотрудником Одесской губернской ЧК и его заданием было: обнаружить логово лесного атамана Заболотного, который в

течение трех лет терроризировал население двух уездов, вынудить того добровольно сдаться или заманить в западню и захватить силой. Задание было не только успешно выполнено, но и легло в основу первой автобиографической повести «Лесной зверь» (1923). К сожалению, этот фильм до наших дней не сохранился.

Заметим, что в 1937 году Бузько будет арестован, исключен из Союза писателей и вскоре расстрелян.

Еще один фильм про чекистов, снятый на одесской ВУФКУ, – «Укразия» (1925) режиссера Петра Чардынина. В основу сюжета были положены материалы Одесского Истпарта, рассказывающие о том, как деникинский офицер-контрразведчик Энгер (отвратительная личность с внешностью опустившегося наркомана, вращающаяся в кругу белогвардейцев и не вызывающая никаких сомнений в своей контрреволюционности) попадает в тюрьму, из которой его освобождают большевики. И только после этого становится понятно, что именно Энгер и есть тот самый... красный разведчик «7 + 2», которому и посвящен этот фильм.

Лента «Дело 128/с» (другие названия: «Стертая страница», «Шпион») режиссера Арнольда Кордюма вышла в 1927 году на той же ВУФКУ в Одессе. Сюжет был следующий: идя по улице, прокурор Кравцов узнает в случайном прохожем бывшего белогвардейца Винтера, который должен был быть расстрелян в гражданскую войну. Выяснилось, что красноармеец Прокопчук отпустил пленного. Органы ОГПУ уста-

навливают за Винтером слежку. Желая искупить свою вину, Прокопчук во что бы то ни стало решает поймать преступника. Выследив его, Прокопчук гибнет в ожесточенной схватке.

Как видим, фильмов про чекистов в те годы снималось не так много, хотя их героические деяния (как в годы гражданской войны, так и в мирные годы) могли бы составить основу не нескольких, а десятков фильмов. Но руководство тогдашнего ОГПУ не ставило целью выпячивать деятельность своих сотрудников посредством кино. Хотя контроль за кинематографической отраслью чекисты держали в своих руках крепко, причем на обоих направлениях – идеологическом и экономическом. Про последнее мы уже говорили, поэтому поговорим о первом, за которым надзидало Секретно-оперативное управление (СОУ) и Секретно-политический отдел (СПО; идеологическая контрразведка). СОУ возглавлял Генрих Ягода (он же первый заместитель председателя ОГПУ В. Менжинского), СПО – Терентий Дерибас (1923–1929). Как происходил этот контроль? В СОУ был Отдел политконтроля, который вел наблюдение за работой типографий, книжных магазинов, просматривали ввозимые и вывозимые из страны печатные произведения, полиграфическую и кинопродукцию, осуществляли (с марта 1922 года) политический контроль за деятельностью театров, кинотеатров и т. п. Отдел состоял из двух отделений – печати и зрелищ и почтово-телеграфного. 1 ноября 1925 года Отдел

политконтроля был слит с Информационным отделом (ИН-ФО) в Отдел информации и политконтроля (начальник с 15 июля 1926 года – Н. Н. Алексеев).

В СПО ситуация выглядела следующим образом. Было там 12-е отделение, которое следило за оппозицией в печати, в театральной, кинематографической и писательской среде. Начальником отделения (до 1927 года) был поляк Александр Славатинский, выходец из дворянской семьи, служивший в гражданскую войну в военной разведке и погранвойсках на Западном фронте. Славатинский хорошо разбирался в литературе (сам сочинял стихи), поэтому его и назначили надзирать за творческой интеллигенцией. В 1939 году его расстреляют, как и многих чекистов из его поколения, о чем я еще расскажу в соответствующей главе.

В 12-м отделении работало около 50 человек, за кино отвечали десять. У каждого из них на связи было 20–25 агентов, которые ежемесячно писали донесения о состоянии дел в учреждениях, где они работали («Пролеткино», «Совкино», кинофабрики и т. д.). На основе этих донесений сотрудники «дюжины» составляли отчеты, которые ложились на стол Славатинского. Он выбирал из этого вороха информации необходимую и составлял собственный отчет, который относил заместителю начальника СПО или непосредственно самому главе отдела. А тот уже выходил на председателя ОГПУ, чтобы он имел возможность доложить о ситуации кремлевским верхам (для членов Политбюро готовилась

отдельная справка, причем Сталину могли докладывать информацию, минуя его коллег). Одновременно с этим все донесения агентов уходили и в Информационный отдел, где аналитики писали обобщающие справки об общей ситуации, складывающейся в какой-либо из областей (кино, театр, музыка, живопись и т. д.), и этот отчет тоже ложился на столы всех членов Политбюро.

В советском кинематографе тех лет доминировали две группировки. Условно их можно назвать «традиционалистами» и «новаторами». Первые ориентировались на массового зрителя и во главу угла ставили «кассу» – прибыльность кинолента. Их фильмы в художественном отношении были достаточно примитивными, рассчитанными на вкусы массового зрителя. Новаторы же были «заточены» под создание куда более качественных лент, но сложных для восприятия широкими массами. Как писал киновед Н. Лебедев:

«„Кинотрадиционалисты“ проявляют полное равнодушие к воспитательным задачам кинематографа. Идейность они рассматривают как нечто принудительное, чуждое кинозрелищу, снижающее его развлекательную ценность...

Равнодушные к вопросам теории, они не проявляют интереса к осмыслению сущности кино, его специфике, отличиям от смежных явлений. Их мало волнует вопрос, самостоятельно ли искусство экрана или это эрзац театра. Для них не важна дальнейшая судьба этого искусства. Не отказываясь от использования в своих фильмах новых средств и приемов,

особенно из числа проверенных практикой зарубежного кинематографа, они, однако, не любят рисковать и предпочитают, чтобы поисками и экспериментами занимались другие...

Занимая в 1922–1925 годах ведущее положение на кинофабриках Советского Союза, „традиционалисты“ накладывали на советское кинопроизводство печать консерватизма и инертности. Как в идейном, так и в художественном отношении их фильмы были чаще всего обращены в прошлое, шли проторенными путями русской дореволюционной и зарубежной коммерческой кинематографии.

„Традиционалисты“ ставят салонные мелодрамы из жизни великосветского общества (типа „Камергера его величества“ – романтические приключения престарелого камергера и его молодой любовницы); экзотические псевдовосточные кинороманы (типа „Минарета смерти“, в котором вся творческая фантазия режиссера сосредоточивается на постановке сцены купанья в гареме); комические фарсы – „Президент Самосадкин“, „Н + Н + Н“ („Налог, Нини, Неприятность“) и другие, как две капли воды похожие на свои дореволюционные прототипы.

„Традиционалисты“ делают доходчивые, а порой и талантливые картины, но их творчество инертно, оно либо топчется на месте, либо продвигается со скоростью черепахи. Между тем Октябрьская революция с принесенным ею новым строем идей и чувств и внутреннее развитие самого кино как нового, еще только осознающего себя искусства требовали

стремительного движения вперед.

Такое идейное и формальное продвижение советского кино было совершено главным образом молодыми, выдвинутыми революцией кадрами кинематографистов, с которыми связано понятие „киноноваторство двадцатых годов“.

В это понятие принято включать начинавших в ту пору самостоятельную постановочную работу, а позже выдвинувшихся в первые ряды мастеров советского киноискусства: документалиста Дзигу Вертова и режиссеров художественно-игровой кинематографии – москвичей Льва Кулешова, Сергея Эйзенштейна и Всеволода Пудовкина, ленинградцев Григория Козинцева, Леонида Трауберга, Фридриха Эрмлера и украинца Александра Довженко.

Как и „кинотрадиционалисты“, „киноноваторы“ двадцатых годов не представляли собой единого целого. Они меньше всего походили на художественную школу. За исключением содружества Козинцев – Трауберг, много лет работавших вместе, каждый из новаторов имел собственный, отличный от других творческий путь, свой индивидуальный метод, свой почерк...

Главное, что объединяло их, – ненависть к старому, категорическое отрицание эстетических принципов, господствовавших в русской дореволюционной кинематографии. В своих манифестах и декларациях они безоговорочно сбрасывают с „корабля современности“ все, что связано с этими принципами...»

За борьбой этих течений внимательно следили в ОГПУ, и отчеты об этом регулярно ложились на столы членов Политбюро. Причем если до середины двадцатых годов симпатии высших советских руководителей делились поровну между «традиционалистами» и «новаторами», то во второй половине десятилетия чаша весов стала клониться в пользу вторых, поскольку идейный подход к искусству стал преобладать над коммерческим. Сталин и К° вели дело к закрытию проекта под названием «НЭП», а это автоматически подразумевало победу идеи над коммерцией, или духа над материей. И ОГПУ в этом процессе тоже участвовало, посредством того, что нацеливало свою агентуру (в том числе и среди именитых кинодеятелей) на то, чтобы они придерживались тех позиций, которые разделяли Сталин и К°.

Вообще Сталин, который в те годы еще не имел всей полноты власти в стране и партии, но уже к этому шел, был большим любителем кинематографа. Еще в мае 1924 года, на XIII съезде РКП(б), он заявил: «Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки». И ведь взял!

Вождь смотрел все киноновинки того времени (в Кремле был собственный кинотеатр) и часто устраивал дискуссии внутри Политбюро по поводу того или иного фильма – обсуждал, нужный ли это фильм для советской идеологии или чуждый ей. Иногда на этих просмотрах присутствовал и председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский или его замести-

тель Генрих Ягода (он же начальник СОУ). Приглашались они туда не случайно, а с определенной целью – они должны были быть в курсе того, каким именно фильмам отдают предпочтения высшие руководители страны и какие задачи в свете этого следует ставить агентуре в кинематографической среде.

Сталина давно не устраивало то, что многие частные кинокомпании в СССР «завязаны» на границу и скупают там по дешевке второсортный товар, втюхивая его советскому зрителю. Началось это еще в 1923 году, когда кинофабрика «Русь» продала в Европу фильм «Поликушка» Александра Санина, а на вырученные деньги купила массу примитивного киноширпотреба. Фильм вызвал большой ажиотаж у западной публики по двум причинам: во-первых, это было очень талантливое кино (экранизация Л. Толстого), а во-вторых – аполитичное и асоциальное. Ведь Толстой в своем произведении разоблачал помещичью Россию, а фильм от этой идеи ушел. Согласно сюжету, помещица посылала своего крестьянина Поликея в город за большой суммой денег, а тот на обратном пути их терял и от отчаяния кончал жизнь самоубийством. Как напишет чуть позже все тот же Н. Лебедев:

«...Сценаристы (Н. Эфрос и Ф. Оцеп), добросовестно следовавшие за сюжетной линией повести, приглушили, однако, пафос социального протеста Толстого. Всячески подчеркнув чуткость и доброту помещицы – хозяйки Поликушки, они сместили акценты. Вместо типичной трагедии замордо-

ванного крепостничеством крестьянина зритель увидел происшествие – необычайную историю, случившуюся с одним дворовым-пьяницей...»

Такого рода кино (даже несмотря на его художественную ценность) Сталину понравиться не могло. И особенно его возмущало, что, продавая такого рода фильмы за границу, ушлые коммерсанты от кино убивают сразу двух зайцев: набивают себе карманы и «скармливают» советскому зрителю дешевые киноподелки западного производства. Поэтому перед ОГПУ была поставлена задача создавать такого рода коммерсантам невозможные условия для деятельности. Что и было сделано посредством заведения уголовных дел на кинодеятелей-«традиционалистов» (в 1926–1927 годах в стране произошло несколько судебных процессов по обвинению ряда деятелей кино в коррупции). Именно поэтому тот же Федор Оцеп (один из авторов «Поликушки») вынужден будет в 1929 году уехать сначала в Германию, а затем и в США. Как говорил Сталин в узком кругу: «Надо бить по старым революционным эмигрантам. Эмигранты – это люди беспочвенные, у которых на уме только международная революция, а теперь нужны руководители, способные осуществлять социализм в одной стране...» А ведь за мутным кинопоток, который лился на СССР с Запада, стояли именно эмигранты, которые таким образом старались пробить бреши в советской идеологии.

В 1928–1931 годах Сталин многократно принимал у себя

и председателя ОГПУ Менжинского, и его первого зама Ягоду. В первую очередь это было связано с делами по разгрому оппозиции, но в то же время Сталин интересовался у них и состоянием агентурной работы в среде интеллигенции. При чем принимал он их или вместе, или по отдельности. Судя по всему, у каждого из чекистов был свой фронт работы: Менжинский отчитывался о деятельности контрразведки (а СПО входил именно в нее) и подрывной работе против левых и правых в партии, Ягода же отвечал за «цифирь» (статистические и аналитические данные), а также за проведение разного рода эксов, сбор улик и т. д.

А вот чекистов, ведавших внешней разведкой, Сталин в ту пору не особенно жаловал и принимал крайне редко. Например, начальника ИНО (Иностранный отдел) ОГПУ Артура Артузова вождь впервые пригласит в Кремль только в 1933 году, когда к власти в Германии придет Гитлер.

Но вернемся к Зое Федоровой.

Итак, она вполне могла попасть в категорию осведомителей-информаторов по линии Информационного отдела. Почему именно туда? Дело в том, что с ноября 1922 года руководство ГПУ ввело новую классификацию внештатных секретных сотрудников. По линии Информационного отдела СОУ в качестве информаторов в учреждениях, на предприятиях, в общественных организациях и т. п. привлекались только лояльные к власти лица, к коим и можно было отнести Зою Федорову (вспомним место службы ее отца, кото-

рый до этого трудился в Кремле). На таких информаторов возлагались обязанности освещать настроения людей, с которыми они вместе работали, по некоторым вопросам, сообщать о состоянии дел на предприятиях и в учреждениях, о деятельности администрации, фактах злоупотребления и т. п. Причем информацию осведомители-информаторы передавали так называемым резидентам – работникам того же учреждения, где они работали. Обычно на мелких предприятиях был всего один резидент, а на больших (вроде Госстраха) от трех до пяти. Этот резидент затем передавал собранную информацию уже непосредственно чекистам. Данные сведения обобщались в информационных отделах в секретные сводки и направлялись руководству местных партийных и советских органов, в ОГПУ, которое в свою очередь обрабатывало и доводило информацию до Центрального комитета партии и правительства. Другой категорией секретных сотрудников являлись осведомители, вербовка и руководство которыми находились в ведении секретных и контрразведывательных отделов. Таких осведомителей вербовали, в отличие от информаторов, из среды, социально чуждой советской власти.

В двадцатые годы в недрах ГПУ была составлена справка, в которой давалось объяснение, почему приветствуется служба женщин в разведке и контрразведке. В ней отмечалось следующее: «Женщина более наблюдательна, у нее сильнее развита интуиция, она любит вникать во все подроб-

ности, чего не скажешь о мужчинах. Женщины более усидчивы, терпеливее, методичнее, чем мужчины. Кроме этого, привлекательные внешние данные женщины позволяют ей расположить к себе любого собеседника... Рекомендуется поручать женщинам-агентам проведение операций, связанных с организацией встреч с агентурой в тех районах, где появление мужчин, исходя из местных условий, представляет опасность...»

Как и полагается, каждому агенту спецслужб присуждается оперативный псевдоним. Женщинам чаще всего подбираются красивые имена, часто имеющие отношение к их личным пристрастиям, привычкам. Если мы исходим из версии о том, что Зоя Федорова стала таким агентом, то нетрудно предположить, что у нее тоже было агентурное имя. Какое? Например, «Зефир». Во-первых, по начальным буквам имени и фамилии («З» и «Ф»), во-вторых – она очень любила сладкое, в том числе и зефир, который во времена нэпа выпускала фабрика № 7 Моссельпрома (с 1931 года – «Рот-Фронт»).

Но вернемся к «делу братьев Прове».

В ходе него, судя по всему, был завербован еще один агент – из числа социально чуждых. Речь идет о Никите Пешкове (1989), происходившим из дворян. Его история не менее интересная.

В Первую мировую войну он сражался на крейсере «Варяг», а в гражданскую – на стороне белых, входя в ближай-

шее окружение адмирала Колчака. В 1920 году, когда последний был расстрелян, Пешков был схвачен и посажен в тюрьму. Но спустя несколько месяцев, отпущен на свободу, якобы по причине тяжелой болезни. Однако в 1925 году Пешкова снова арестовали, но дали ему всего три года заключения в Соловках. А летом 1927 года перевели в Бутырку, включив его в «дело братьев Прове», поскольку тот знал обоих еще по своему житию в Москве в начале двадцатых.

Пробыв в столице несколько месяцев, Пешков был вновь возвращен на Соловки. А осенью 1927 года в «Правде» появилась заметка из зала суда, в которой сообщалось, что он, расстрелян вместе с братьями Прове. Сообщение было более чем странным, если не принять во внимание тот факт, что таким образом ГПУ давало возможность своего агенту спокойно досидеть свой срок и вернуться в Москву, легализовавшись там без каких-либо проблем. А в начале тридцатых Пешкова нашло еще одно «несчастье». В Англии скончался некий его дальний родственник, который оставил ему все свое немаленькое наследство. Эти деньги в Лондоне получали по доверенности некие люди, которые привозили их в Москву, меняли фунты на рубли и вручали законному наследнику. Чудеса, да и только! Впрочем, эти чудеса можно объяснить, если снова предположить, что Пешков был не кем иным, как агентом НКВД. И история с наследством была необходима его кураторам из спецслужб, чтобы снять все вопросы по поводу его роскошной жизни, которую он вел в

кругах столичной богемы, от которой Пешков черпал всю ту информацию, что так интересовала НКВД. Правда, длилось это недолго – в 1938 году Пешков скончался от туберкулеза, подхваченного им еще на Соловках.

А что же Зоя Федорова? Она на момент смерти Пешкова была уже весьма и весьма знаменита. Причем не по линии бухгалтерии Госстраха, а на ниве большого кинематографа, куда она попала... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Кино под колпаком НКВД

Женщины-чекисты. – Яков Агранов – ас агентурной работы. – Светские салоны – детище ГПУ. – Мейерхольд, Штраух, Эйзенштейн и другие «друзья» чекистов. – Актерская стезя агента «Зефир». – Школа чекистов. – Мужья Зои. – Играй, «Гармонь», или «Зефир» против абвера

Итак, мы предположили, что летом 1927 года Зоя Федорова могла быть завербована в осведомители Информационного отдела СОУ ГПУ СССР. Какая работа была у такого рода осведомителей-информаторов? Как уже говорилось, раз в месяц они встречались с резидентом из того же учреждения, в котором работали, и передавали справку-отчет, где сообщали интересующую чекистов информацию из разряда: какие разговоры ведутся в подразделении, где они работают, какая атмосфера там царит и т. д. Деньги за такую работу осведомителям не выплачивались – все делалось на идейной основе. Впрочем, если высшее начальство считало информацию ценной, то за это могла быть выплачена денежная премия.

Между тем в Госстрахе Федорова проработала ровно год, после чего решила-таки нарушить родительский запрет и подалась в артистки. Если мы продолжаем исходить из версии, что наша героиня работала на спецслужбы, возникает закон-

ный вопрос – а не приложили ли последние руку к этому решению? Или было чуть иначе: узнав, что их информатор мечтает связать свою жизнь с искусством, чекисты помогли ему удовлетворить его помыслы посредством подключения своих связей в этой среде? Что имеется в виду под последним?

В ГПУ в основном работали мужчины, а женщины, если и были, то занимали в основном секретарские должности. Правда, были и исключения. Например, в двадцатые годы самыми известными женщинами-чекистами были Александра Андреева (Горбунова) (1888) и Марианна Герасимова (1901). Первая пришла на работу в спецслужбы (будучи, кстати, дочерью священника) в марте 1919 года, став инспектором-инструктором Разведуправления РККА. В ГПУ она перешла в октябре 1921 года, получив должность помощника начальника Секретного отдела по следствию. Затем она стала заместителем начальника Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ-НКВД СССР (начальником тогда был Г. Молчанов). По утверждению Антонова-Овсеенко: «Андреева-Горбунова работала в первые советские годы в коллегии ВЧК – по рекомендации Якова Свердлова. Феликс Дзержинский видел в ней „совесть ВЧК“, он поручил Александре Азарьевне контроль за соблюдением чекистами революционной законности».

В 1926 году Андреева стала первой женщиной-чекисткой, которая была награждена боевым оружием, а год спустя еще

и знаком «Почетный чекист».

Что касается Марианны Герасимовой, то она вступила в партию большевиков в 1919 году, а в ГПУ пришла работать четыре года спустя, начав с рядовых должностей. Она, кстати, была двоюродной сестрой по отцовской линии знаменитого кинорежиссера Сергея Герасимова – тот в двадцатые годы жил в Питере и работал на «Ленфильме», куда вскоре попадет и Зоя Федорова. На основе этого можно предположить, что наш выдающийся кинорежиссер имел отношение к органам – например, был доверенным лицом (внештатным добровольным помощником). Впрочем, об этом мы еще поговорим чуть позже, а пока продолжим знакомство с родственницей Сергея Апполинариевича – Марианной Герасимовой.

У нее была младшая сестра Валерия (1903), которая в двадцатые годы станет женой писателя Александра Фадеева, а сама Марианна, еще до работы в ГПУ, в течение нескольких лет пробудет женой другого писателя – Юрия Либединского (он ласково называл ее Мурашей). Это переплетение судеб чекистов и литераторов тоже будет не случайным. Дело в том, что это помогало чекистам устанавливать нужные связи в литературной среде. А что такое была литература в СССР? Она соперничала в популярности с кинематографом, и литераторы были не меньшими кумирами в Советском Союзе, чем актеры немого (а потом и звукового) кинематографа. То есть Сергей Есенин или Владимир Маяковский «гремели»

не менее сильно, чем представители «синемы» Анна Стэн или Игорь Ильинский. Впрочем, тот же Маяковский и в кино снимался (в фильме «Барышня и хулиган»). А многие другие литераторы были связаны с кино посредством сценарной нивы.

Но вернемся к Мураше – Марианне Герасимовой.

Внешне она была суцая кинозвезда, вроде Анны Стэн – такая золотоволосая красавица. Но внутренне была очень жесткой женщиной. Поэтому в ГПУ быстро двигалась по карьерной лестнице. Спустя всего пять лет после начала своей службы в нем – в 1928 году – она уже стала помощником начальника Информационного отдела. Того самого, где, по нашей версии, могла внештатно трудиться и Зоя Федорова. И, учитывая это, можно предположить, что Герасимова вполне могла опекать дочку бывшего начальника паспортного стола Кремля и посоветовала ей не зарывать в землю свой актерский талант и поступать в театральное училище. Произошло это в 1930 году – как раз тогда, когда Герасимова стала начальником 4-го отделения СПО, а оно занималось агентурно-оперативной работой в органах печати, театрах и т. п., среди артистов, литераторов, творческой интеллигенции. При этом Марианна пообещала молодой соискательнице помощь в преодолении любых препятствий на этом поприще, поскольку у нее в этой среде было очень много знакомых, начиная от двоюродного брата Сергея Герасимова и заканчивая другими режиссерами, а также актерами, опера-

торами, сценаристами и т. д. Так Зоя Федорова стала студенткой училища при московском Театре Революции.

В хороших знакомых Герасимовой ходил сам Яков Агранов – с 1929 года начальник Секретно-политического отдела, который лично курировал творческую среду по линии ГПУ еще с начала двадцатых годов. И это именно он придумал в советских условиях создавать богемные салоны, которые функционировали под колпаком ГПУ. Такие салоны содержали, например, Лиля Брик (любовница В. Маяковского), Зинаида Райх (супруга В. Мейерхольда) и другие «светские львицы» того времени. Вот как об этом писал музыкант из вахтанговского театра Борис Елагин:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.